

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Визинского, А. Кулакина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 9 (923)

Воскресенье, 2 марта 1941 г.

Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. О самом главном, самом основном. ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о заседаниях Совета Национальностей и Совета Союза. ИНФОРМАЦИЯ. Трехлетний план издания книг для детей. ЗА НЕДЕЛЮ.
2 стр. Проф. С. РОДЗЕВИЧ. «Ошибки Огюста де Бальзака». Ал. АБРАМОВ. Американская юмористическая новелла. НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ. Гуго ГЮППЕРТ. Глухонемые. Саломея НЕРИС. Проклятие. Симон ЧИКОВАНИ. Думы на Мтацминде.
3 стр. Як. РЫКАЧЕВ. Элементарная ошибка. Е. ЖУРБИНА. Поэзия для всех возрастов. Сергей СОЛОВЬЕВ. Книга воспоминаний К. Чуковского.
4 стр. Д. СЕНИН. Лирика моря. Алексей КУНДЗИЧ. Повесть о писателе. БИБЛИОГРАФИЯ

5 стр. В. ГОРОДИНСКИЙ. «Тристан и Изольда». С. ЗАМАНСКИЙ. Образ народного героя. М. МАРКОВ. Метод засекреченных цитат. Д. ЯКОВЛЕВ. «Математика» Горького по радио. С. Н. «Буковина — земля украинская».

6 стр. Проф. Д. БАЛИКА. Библиотечка П. И. Мельникова-Песковского. И. КОВАЛЕВ. Запрещенные рассказы Н. ЭФЕНДИЕВ. Пьесы писателей Азербайджана. А. Ф. «Клоп» и «Баня» на эстраде. А. БРАГИН. Литературный музей в Туле. С. НОРДИН. Повесть «Калева» А. Т. Три творческих вечера. И. ВИЛЕНСКИЙ. Колхозные поэты. Г. ШАРИПОВА. Ценные рукописи. К. КОНИЧЕВ. Спустя полвека. ИНФОРМАЦИЯ. ИЗВЕЩЕНИЯ.

О самом главном, самом основном

В течение последних недель произошли два события, обогатившие общественно-политическую, духовную жизнь советского народа, а следовательно, и жизнь нашей литературы. Мы имеем в виду происшедшую в середине февраля XVIII Всесоюзную партконференцию и только что закончившуюся VIII сессия Верховного Совета СССР.

Доклады, речи ораторов на сессии изобилуют цифровыми выкладками, экономическими терминами, глубоко уходят в специальные, далекие от искусства, области финансовой техники. Но каждая названная с кремлевской трибуны цифра бюджета — для нас нечто большее, чем арифметическая величина. Мы ее воспринимаем как итог затрепетанных народных сил или как концентрированное выражение воли к труду, к созданию. Если многообразную работу составления бюджета, его коллективное обсуждение на сессии свести к единой общей формуле, мы увидим, что в конечном счете ее целью является максимальная мобилизация физических, интеллектуальных и моральных сил народа, его творческого гения. За прошлый год выросла благородная поэзия нашей современности — поэзия одухотворенного труда и борьбы за общественные идеалы, служившие предметом мечтаний многих и многих поколений.

Труд создал человека. Исходя из этой столь же простой, сколь и великой истины, Горький настойчиво повторял, что самое главное, самое основное, чем должна заниматься литература, — изображать человека труда, творца всех материальных и духовных ценностей культуры. Бессспорно горьковская мысль признана давно нашими писателями. Действительно, нельзя найти другое, более точное и всеобъемлющее определение общественного предназначения литературного труда. Однако признание остается признанием, а текущая литературная практика, к сожалению, не всегда совпадает с горьковской линией. И всякий раз, когда жизнь властно предъявляет свои требования художникам слова, литераторы о своей центральной задаче начинают говорить, как о вновь открытой Америке. Так, в последнее время о ней вспоминали в связи с трудовым воспитанием — проблемой, не отделимой от коммунистического воспитания вообще.

Даже беглый обзор беллетристических произведений последних лет позволяет сделать весьма неутешительный, но необходимый вывод: в них до крайности редко появляется советский рабочий. На дискуссию об образе советского человека в современной прозе, организованной Союзом писателей, по существу была названа одна лишь книга, где рабочие — не случайные персонажи, а главные действующие лица. Это — «Танкер «Дербент» Ю. Крымова.

Мы вовсе не хотим сказать, что труд ищущего, ученого, летчика, колхозника или актрисы не важен для государства, а поэтому «не достоин кисти художника». Не о внимании к определенной профессии или специальности идет речь, а об изображении жизни и деяний передового класса — руководящего советского общества, класса, представляющего силу и мощь социалистического государства. Дальнейшее развитие советского строя, его движение к коммунизму будут определять люди, выходящие из среды, добывающие уголь и руду, делающие машины, танки, пушки, самолеты. Можно ли воспевать народ, изображая его победное шествие из царства угнетения в царство свободы, умолчать о тех, кто идет вперед?

Отыскивая яркие сюжеты, стремясь изобразить разносторонность интеллектуальных интересов, богатство духовных запросов советского человека, писатели обычно черпают материал из близкого окружения, знакомой среды — из жизни и быта нашей интеллигенции, прототипом своих литературных героев в большинстве случаев избирают людей умственного труда. Не спорим — такой путь не заказан. Но разве жизнь и труд советского рабочего настолько бедны, что не могут служить материалом крупного произведения? Разве духовный кругозор передового человека с фабричной или заводской узкой, как ничем не может обогатить писателя? Беремся утверждать обратное. Именно в производстве гонятся кадры новаторов. Именно там общественный контакт и сплочение имеют наиболее сильные и яркие проявления. Мы не говорим уже о том, что мораль человека крупной индустрии, где рождено глубокое чувство коллективизма, господствует в нашем обществе. Вспомним, какой резонанс имел роман Ф. Гладкова «Цемент». В этом произведении впервые в литературе торжественно провозглашена создающая мощь пролетариата — радительного хозяина, восстанавливающего разрушенную войной промышленность. Линию роста своих героев Ф. Гладков продолжил в «Энергии» — романе, где изображен пафос первых лет индустриализации. Теперь к Ф. Гладкову присоединился талантливый Ю. Крымов. Будем надеяться, что число писателей, посвящающих труд, вскоре во много раз вы-

растет. Сюда, к жизни того класса, который ведет за собой весь народ, который выдвинул на историческую арену такую могучую прогрессивную силу, как партия большевиков, обязана обратиться лицом наша литература.

Конференция утвердила народнохозяйственный план текущего года; сессия — государственный бюджет. С точки зрения более далеких перспектив, это — детали грандиозного чертежа, по которому строится коммунизм. Для настоящего — это рабочее задание. Его выполнение потребует не только игры мускулов, но и напряжения ума, искусства организации, умения преодолевать косность, устранить недостатки. Доклад т. Маленкова, на первый взгляд, казался бы, далеким от вопросов литературы, очень поучителен для литераторов. Главное в нем — ясное представление стоящих впереди целей, мужество самокритики, острота, с какой обнажены слабости и недостатки. Так правдиво говорит о своей работе может только партия, уверенная в себе, убежденная в творческих возможностях руководимых ею масс, знающая действительность. В самом деле, ведь нашу жизнь подрашивать не надо. Она настолько прекрасна, что не нуждается в ружьях. И прекрасна как раз своей наэлектризованностью и беспокоебием, борьбой нового со старым, величественного с ничтожным, благородного с пошлым. Покой нужен уставшим, надломленным. Наш же народ неутомим и полон энергии, и одышкой, можно уверенно сказать, страдать никогда не будет.

Почему же некоторые наши писатели подобно досугу и санаторию тишину? Не так давно читатели нашей газеты в статье В. Шклова «Трудовое воспитание» могли читать: «...труд описывать труднее всего. Выходной день описывать как-то легче». Очень ценное и, главное, чрезвычайно своевременное признание. Отдельно живописать легче. Особенно, когда самое заглавие литературной рассматривается не как подвиг, требующий постоянной энергии в жизни и затраты колоссальной энергии, а как сравнительно легкая профессия.

Есть такой афоризм: труд думает, лень мечтает. Мало мечтать о талантливых произведениях. На это способен любой дождь. Надо жить трудом, уметь мечту соединить с творческим успехом, трудом воспитывать мысли и талант.

Лишь тот свободной жизни властелин, кто дни свои в борьбе проводит трудной.

Как известно, эти слова принадлежат Гёте, всю жизнь писавшему «Фауста» — детские мечты и труда.

По решению правительства и ЦК ВКП(б) Госплан приступил к разработке генеральной программы развития народного хозяйства Союза на 15 лет. Когда партии были даны директивы к составлению первой пятилетки, недруги и скептики всячески изощрялись в издевательских словечках, окрестив наш план «фантасией, бредом, утопией». Через пять лет те же скептики признали, что большевики вытратили первый тур индустриализации. В настоящий момент что-то не слышно былых критиков, хотя дело идет о плане, неизмеримо более широком и «фантасматическом». Такова сила факта. Народ твердо верящий в свое дело, заставил весь мир уважать себя, внушил веру в свое слово. Наверя ли трезвый рассудком человек нашего века может теперь сомневаться, что через 15 лет наша родина действительно экономически перегонит главные капиталистические страны.

Близость коммунизма обязывает. В него нельзя войти, не освободившись от пакини мещанства и собственничества, не очистившись от пылаи прошлого, оставшегося на старом и переживаемом новым поколением. Таким дантовым «очищением» нового человека был и остается труд. Уже сейчас отношение к труду стало у нас оселком, с помощью которого направляется внутренний мир человека, познается его общественный облик. Труд и дисциплина, способность любить все, что дорого народу, беречь коллективную собственность больше, чем личное достоинство, — в этом основа основ воспитательной работы, деятельным участником которой призвана быть литература.

Великий коммунист Биров говорил как-то: «Мы должны быть собственниками гораздо более, чем любой капиталист. Каждую гаику, каждое звеняшко нашего дела надо беречь, надо холить самым настоящим образом, потому что это наше, рабочее, трудовое, это завоевано нами». Какие простые, плущие от сердца к сердцу, прекрасные слова уметь находить Мигуныч! А ведь он не был писателем. Он был человеком, влюбленным в труд, видел в нем высшее призвание людей.

Быть писателем можно, только пока-рившись своей доле. Тогда наша литература найдет слова, найдет содержание и форму произведений искусства, помогающих советским людям творить и бороться за коммунизм. А в этом — самое главное, самое основное.

Научная сессия, посвященная Лесе Украинке

КНЕВ. (От наш. мор.). Юбилей Леси Украинки Институт литературы Академии наук УССР отметил научной сессией, посвященной писательнице. Кроме научных докладов, сессия заслушала воспоминания о Л. Украинке ее сестер — Ольги и Пидоры Косач и академика А. Е. Крымского.

Юбилейный вечер, открывшийся вступительным словом П. Панча. С докладом на тему «Леса Украинка и социалистическая эстетика» выступила т. С. Стебун. С большим успехом 25 февраля прошел в Киевском театре русской драмы спектакль «Каменистый валежник» Леси Украинки в переводе на русский язык Л. Голышова.

VIII СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

1-го СОЗЫВА

Информационное сообщение

О ЗАСЕДАНИЯХ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И СОВЕТА СОЮЗА

1 МАРТА 1941 ГОДА

Вчера, 1 марта, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, в 11 часов дня состоялось пятое заседание Совета Национальностей и в 6 часов вечера — пятое заседание Совета Союза.

На заседании Совета Национальностей председательствует — Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М., на заседании Совета Союза — Председатель Совета Союза депутат Андреев А. А.

На заседаниях палат были заслушаны заключительные слова по первому вопросу порядка дня докладчика — Народного Комиссара Финансов СССР тов. Зверева А. Г. и докладчиков ближайших комиссий Совета Национальностей и Совета Союза — депутатов Хохлова И. С. и Николаевой Н. И.

Совет Национальностей и Совет Союза единогласно утверждают Государственный бюджет СССР на 1941 год. По статьям, а затем и в целом единогласно утверждается «Закон о Государственном бюджете Союза Советских Социалистических Республик на 1941 год».

Совет Национальностей и Совет Союза утверждают «Закон о подоходном налоге с колхозов» и принимают изменения статей 3, 8 и 19-й закона о сельскохознайственном налоге от 1-го сентября 1939 г.

Совет Национальностей и Совет Союза на своих заседаниях рассмотрели второй вопрос порядка дня VIII сессии — утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в период между сессиями и подлежащих утверждению Верховного Совета СССР.

С докладом по этому вопросу в обеих палатах выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР депутат Горнин А. Ф.

Совет Национальностей и Совет Союза на своих заседаниях единогласно утверждают «Закон об изменении и дополнении статей 23, 78 и 83 Конституции (Основного Закона) СССР» и «О дополнении закона о всеобщей воинской обязанности статьями 30-А и 30-Б и об изменении и дополнении статей 7 и 54».

Затем Совет Национальностей и Совет Союза единогласно утверждают указы Президиума Верховного Совета СССР:

Об укреплении единичалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте;

Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство;

О государственных трудовых резервах СССР;

О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие;

О запрещении продажи, обмена и отпуски на сторону оборудования и мате-

риалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия;

Об установлении границ между РСФСР и Карело-Финской ССР, между Украинской ССР и Молдавской ССР, между Белорусской ССР и Литовской ССР.

Совет Национальностей и Совет Союза на своих заседаниях единогласно утверждают указы Президиума Верховного Совета СССР о назначениях:

Народным Комиссаром среднего машиностроения СССР — Заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Малышева В. А.,

Народным Комиссаром государственного контроля СССР — тов. Мехлиса Л. З.,

Председателем Правления Государственного банка СССР — Заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР — тов. Булганина Н. А.,

Народным Комиссаром внутренних дел СССР — тов. Берия Л. П.,

Народным Комиссаром государственной безопасности СССР — тов. Меркулова В. Н.

Единогласно утверждаются обеими палатами указы Президиума Верховного Совета СССР:

О назначении Народного Комиссара государственного контроля СССР тов. Мехлиса Л. З. Заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

О назначении Народного Комиссара внутренних дел СССР тов. Берия Л. П. Заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

После утверждения указов депутат Горнин А. Ф. по поручению Совета Старейшин внес предложение об избрании, на основании статьи 48 Конституции СССР, Заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР от Молдавской, Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республик.

Совет Национальностей и Совет Союза на своих заседаниях единогласно избирают заместителями Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Брано Ф. Г. — Председателя Президиума Верховного Совета Молдавской ССР, тов. Палецкого Ю. И. — Председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР, тов. Кирхенштейна А. М. — Председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР и тов. Вареса И. Я. — Председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР.

Совет Национальностей и Совет Союза принимают постановление об освобождении тов. Волнова А. А. от обязанности члена Президиума Верховного Совета СССР.

Совет Национальностей и Совет Союза избирают членом Президиума Верховного Совета СССР тов. Пономаренко П. К.

На этом VIII сессия Верховного Совета СССР закончила свою работу.

Трехлетний план издания книг для детей

По поручению ЦК ВКП(б) Детиздат совместно с комиссией по детской литературе ЦСР приступили к составлению трехлетнего перспективного тематического плана изданий книг для детей на 1942—43—44 гг.

На первом организационном совещании редакционного совета издательства и бюро комиссии созданы группы по классической литературе, биографиям политических деятелей и героев народа, по биографиям выдающихся деятелей литературы, науки и искусства, по дошкольной, исторической, современной литературе, по литературе народов СССР, фольклору, театру, по технике, естественнонаучной, материальной культуре, военной, географической и практической книге. Эти группы возглавляют писатели: С. Маршак, К. Чуковский, В. Шклова, М. Ильин, Л. Кассиль, П. Скобелев, С. Мстиславский и другие.

При составлении плана издания книг для детей будут учтены материалы обследования библиотек, предложения педагогов, библиотекарей, специалистов различных отраслей знаний и многочисленные письма детских читателей, ежедневно прибывающие в Детиздат.

Своим единым тематическим планом будет обсуждаться на совещаниях авторов, педагогов, редакторно-издательских работников и библиотекарей. Работу по составлению плана предполагается закончить к июню текущего года.

Советские дети любят свою родину, они хотят знать жизнь своей страны, ее географию, природу, богатство недр. Но книги, которые могли бы удовлетворить их любознательность, почти нет. Прежде чем приступить к составлению трехлетнего перспективного плана Детиздата, комиссия по географической книге провела на-ших с активом авторов обсуждение намечаемых для плана тем.

С географией страны в прошлом, как отметил в докладе П. Халтурин, детей за-

инимали путешествия, фольклор, а также исторические повести и романы. Такая литература нужна и сейчас. Но, к сожалению, девять десятых наших книг о путешествиях написаны только на материале дальнего Севера. Первой ступенью, знакомой ребят со своей страной, должна явиться фольклорная литература, значительно обогащенная за последние годы, особенно в национальных республиках. К 25-летию советской власти т. Халтурин предлагает издать серию книг-альбомов по всем республикам с хорошими литературными текстами и начать издание библиотек советских экспедиций.

Интересные и конкретные предложения к плану внесли гг. А. Коженичкин, проф. А. Формозов, Д. Армап, К. Кунин, Б. Ивантер, Н. Емельянова и Мих. Розенфельд. А. Коженичкин предлагает начать с простых вещей — дать детям книги об отдельных городах, районах, книжку о Хакасии. П. Емельянова пишет книгу о Енисее. Все выступавшие отмечали, что книги о родине должны знакомить детей в первую очередь с наиболее характерными чертами исторического прошлого, настоящего и будущего всех народов страны и показывать те изменения, которые происходят в ней. Д. Армап указал, что Детиздат недостаточно расширяет авторский актив, — в научно-исследовательских институтах есть много людей, располагающих богатыми сведениями, способных в увлекательной форме передать их детям. Научные работники Института географии Академии наук СССР высказывали пожелание, например, написать для детей о морских берегах, пещерах, озере Иссык-Куль, Камчатке.

А. Покровская критиковала издательство за отсутствие внимания к графическому материалу. В немногих книгах о нашей стране, выпускаемых сейчас Детиздатом, вовсе отсутствуют карты, без которых детям трудно ориентироваться в тексте и усваивать его.

За неделю

МАЯКОВСКИЙ И ФОЛЬКЛОР

Группа по изучению жизни и творчества Маяковского Института мировой литературы посвятила свое последнее заседание одной из важнейших проблем поэтики Маяковского — связи его поэзии с фольклором. С интересным сообщением на эту тему выступил П. Богатырев. Он развернул конкретный материал об использовании поэтом различных жанров фольклора.

Маяковский, как известно, щедро пользовался народными пословицами. Чаще всего, однако, поэт применял их не буквально, а видоизменяя, дополняя, подводя и иногда припаявая им даже противоположный смысл. Например, у Маяковского встречаются такие измененные пословицы: «Ласковый теленок двух матерей, и нашим и вашим», «Ободрал, ни пера, ни пуха» и т. л.

Своеобразно применяет Маяковский и народные песни, часто варьируя использование одной и той же песни. Так, например, «Дубинушка» была им использована трижды: дважды в качестве образца для подражания и один раз для пародии.

П. Богатырев в заключение говорит о стремлении Маяковского самому создавать произведения фольклорного характера. Это стремление нашло себе наиболее яркое выражение в поэме «150.000.000». Эта же поэма, в которой Маяковский широко использовал мировой фольклор, свидетельствует, что у него, как и у Пушкина, интерес к фольклору не ограничивался национальными рамками, а оспраивался интернациональный характер.

ПОДГОТОВКА К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА МАХТУМ-КУЛИ

АНХАБАД. (От наш. мор.). Научно-исследовательский институт языка и литературы активно готовится к предстоящему в будущем году юбилею основоположника туркменской поэзии Махтум-кули.

В места, где жил поэт, — в Мургабском и Аму-Дарьинские аулы, а также в районы Копет-Дага, в долину Артека, в Хиву, выезжали бригады писателей и научных работников для собрания биографических материалов. Уже обнаружен ряд неизвестных стихотворений поэта.

Для получения списков с произведений Махтум-кули налажена связь с научными центрами и книгохранилищами Ленинграда, Уфы, Баку, Казани и других городов СССР. Готовится второе издание избранных стихотворений поэта. В печать уже слан сборник стихотворений Махтум-кули на русском языке, куда вошло около двух тысяч строк избранных стихов шахира в переводах М. Тарловского (вступительная статья П. Скобелева).

Анхабаская киностудия готовит фильм о жизни и деятельности поэта. Сценарий пишет драматург Алты Кариев и Берди Вербабаев.

ЦК КП(б) Туркмении и правительство Туркменской ССР вынесли решение о создании юбилейного комитета. В комитет вошли: секретарь ЦК КП(б) Туркмении т. Перьяков (председатель), Хивали Бабаев, Батиров, А. Фадеев, Ш. Скобелев, М. Джаммуралов, А. Аборский, М. Тарловский и др.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ САТИРЫ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Заведующий рукописным отделом Института мировой литературы С. Симович выступил на днях в группе Института по изучению литературы революционных демократов с интересным сообщением о двух неопубликованных сказках Салтыкова-Щедрина: «Сенаторская ревизия» и «Архирейский насморк».

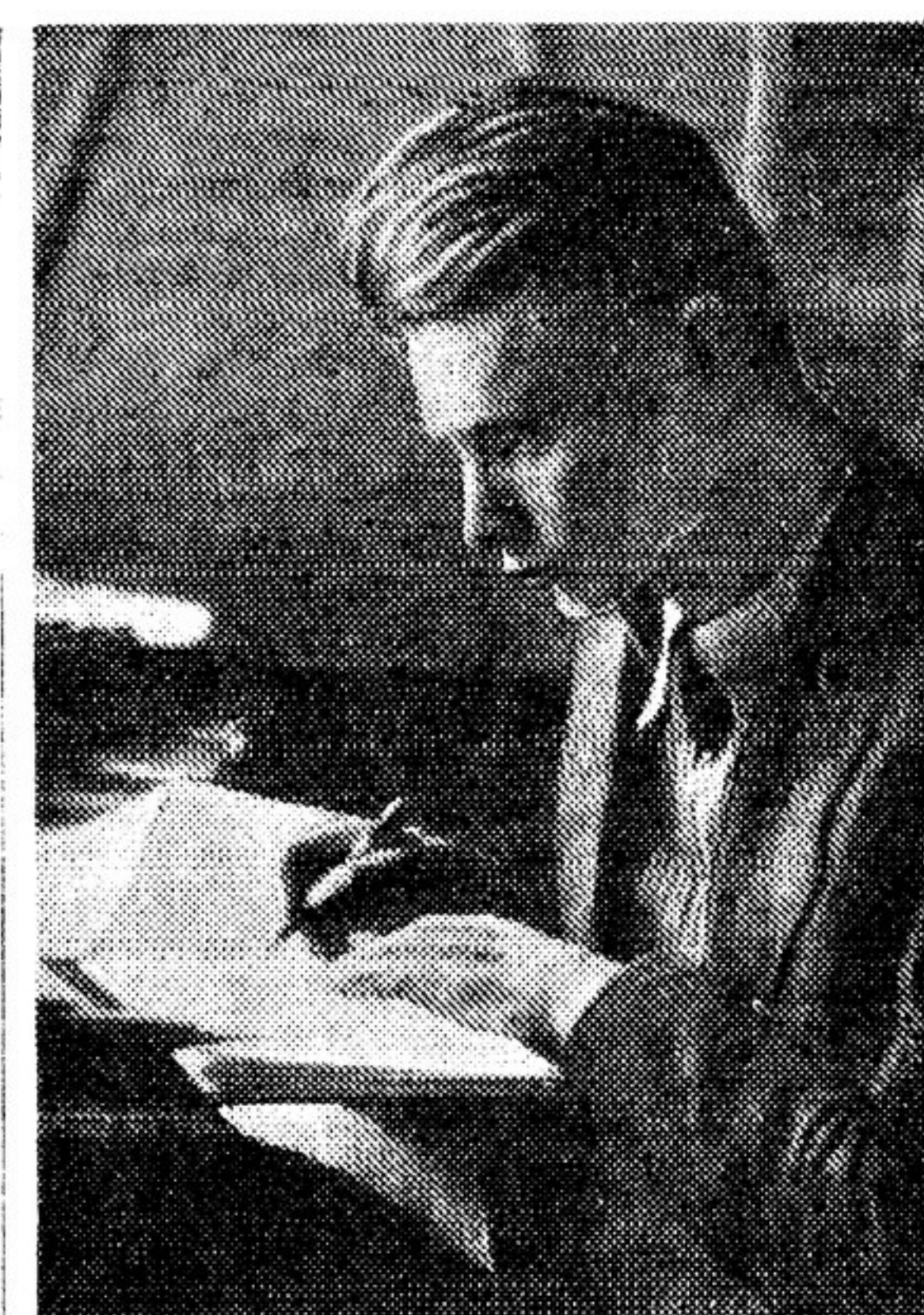
Сказка «Сенаторская ревизия», по мнению С. Симовича, была написана великим сатириком под впечатлением названной Александром II в 1850 г. сенаторской ревизии, которая должна была заняться расследованием вопросов о распространении в России социально-революционных лежеучий, об административной выселке и ее последствиях, и о состоянии умов крестьянского населения, в особенности по поводу слухов о новом наделении землей».

Пародия сатиричного и бессмысленного характера этой ревизии, Щедрин пишет о царе Ароне (Александр II), что он интересуется «ревизией девушек своего царства и принимает деятельное участие в этой «ревизии».

Вторая сказка, «Архирейский насморк» своей реальной основой имеет органический брак Александра II с княгиней Е. М. Долгоруковой и угодничество, проявленное при этом Симоном.

Царь в сказке призывает известить Симон «о своем желании предоблестельствовать». А сатирически выполняя приказ царя, велит принести монсеюи сырышки и к селеной заповеди «Не предоблестельствуй» прибавляет начертание: «Царь же да возвестится». «Архирейский насморк» является антиреволюционной сатирой, в которой наиболее резко и прямо проявился атеизм Щедрина.

Обе сказки были переданы Щедриным А. Углевскому, а от него перешли к В. Танееву, наследнику которого в свою очередь передали их в Институт мировой литературы.

Поэт Западной Белоруссии Максим Тани, приехав в родной город Вильнюс, посетил белорусский музей, где отыскал рукописи своей поэмы «Нароч», запрещенной польской цензурой. На снимке: музей М. Тани работает в помещении музея над восстановлением своей поэмы. Фото В. Добровольского (Фото ТАСС).

ПЛАН ГОСИЗДА ЛИТВЫ

В 1941 г. литовский госиздат предполагает выпустить 525 книг общим тиражом около 4.800.000 экз. Примерно 120 названий приходится на отдел социально-политической литературы.

Около 50 названий включено в раздел литовской художественной литературы. Это — собрания сочинений литовских классиков — Демайте и Вилюнаса, первое полное собрание сочинений поэта-бальшевика Япониса, сборник поэзии Саломея Нерис и избранные стихи Лодаса Гиря. Намечено также издание романа Вайнеке «Скорупа», повести Евы Симонайте «Без отца» и др.

В ближайшем будущем обещали представить издательству свои произведения: Винас Креве (сборник рассказов), Петрас Ципра, Грушас, Шимкус, Борутас, Шукис, Зобараска (сборник новелл), Казис Борута — роман «Желтые годы» и Юозас Балтушис — автобиографический роман «Проданное лето», Саломея Нерис (новые поэмы), новые стихи дадут поэты Рукас, Круминас, Витаутас Гира, Ницюра, Руткунас и др.

Большой интерес представляет запланированный на 1941 год альманах творчества начинающих авторов. Выпущит также антология поэзии Советской Литвы и сборники народных песен и сказок.

Намечены переводы произведений русских и западных классиков (Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Горький, Шекспир, Гете, Диккенс, Бальзак, Флобер) и советских писателей (Маяковский, Шолохов, А. Толстой, Гладков, Фадеев, Н. Островский и др.). Кроме того, будет переведено несколько книг современных прогрессивных писателей Запада и произведения писателей братских народов Латвии и Эстонии.

В план издательства включено 90 названий книг для детей и юношества, 120 учебников на литовском и других языках.

К декаду литовского искусства выйдут (на русском языке) информационный справочник по Литовской республике и антология литовских поэтов.

Возобновится издание литовско-русского и русско-литовского словаря. На еврейском и польском языках будут изданы оригинальные произведения местных авторов.

Одной из больших задач этого года является работа над продолжением Литовской энциклопедии.

И. КАПЛАН.

Вильнюс. (От наш. мор.).

БИРО ПРОПАГАНДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Презиум ЦСН СССР принял решение о том, что работа по пропаганде художественной литературы должна быть сосредоточена в ныне существующем лекционном бюро Моссовета и в бюро пропаганды при Союзе писателей. Презиум ЦСН решил обратиться в ЦК союза работников печати с предложением передать функции бюро выпущенный при группировке писателей в бюро пропаганды художественной литературы при ЦСН.

В новом положении о задачах и целях бюро говорится, что оно должно стать полновластным центром пропаганды лучших произведений художественной литературы и творчества отдельных писателей. Бюро должно быть активным помощником партийных и советских органов, широко популяризировать отдельные проблемы советской художественной литературы, организуя вокруг них дискуссии и доклады.

Презиум ЦСН избрал писательский совет, которому поручено постоянное наблюдение за работой в области пропаганды художественной литературы. В состав совета вошли В. Лебедев-Кумач (председатель), В. Гусев (зам. председателя), А. Сурков, Б. Ромашов, Л. Кассиль, Г. Бровман и Н. Бельчиков. Директор бюро пропаганды утвержден т. Петрашневич.

Американская юмористическая новелла

Ал. АБРАМОВ

Не так давно один из наших мастеров художественного творчества обратился ко мне с вопросом: что можно выбрать для программы под названием «Современный американский юмор» и каких новеллистов современной Америки можно рекомендовать для чтения на советской сцене? Увы, ничего дельного рекомендовать я не мог — не было текстов. Современный американский юмор почти не переводился, да и не переводится. И пришлось моему собеседнику вновь обратиться к Марку Твэну и О. Генри.

«Неужели это — последние мастера смеха в американской литературе?» — спросил он. Конечно, не последние. Но наши редакторские и переводческие кадры интересуются преимущественно социальным романом и социально-бытовой или психологической новеллой. Среди переведенных за последние годы американцев не так уж много новеллистов, а юмористов и совсем нет. Даже Колдуэлл, в творчестве которого «смешное» играет едва ли меньшую роль, чем «страшное», известен у нас главным образом как мастер трагического гротеска.

Старые переводы 1920—1927 гг. (Стивен Льюис, Ирвинг Кобб, К. Робертс) давно стали библиографической редкостью. Да и обращалось тогда далеко не лучше, чем есть у американских читателей-юмористов. За последние же годы они и совсем не переводятся. Несколько новелл в старых комплектах «Интернациональной литературы» и «30 дней», да в книжках в Госиздгизде — сборник Колдуэлла (1936 г.) и тоненькая книжечка новелл Ритца Ларднера — вот и все, что мы имеем из области американской сатиры и юмора.

Этот юмор имеет свою историю. Был Твэн, были его предшественники — Лонгстрит, Биллингс, Уорд и др. Был Амброз Бирс. Был О. Генри и его влиятельный Бетлер и Кобб. Юмор Твэна, так называемый «западный юмор», шел от бытового анекдота его эпохи, от народной сказки, поговорок, грубоватой, соленой шутки.

Юмор этот создавался в условиях борьбы с природой, — пишет биограф Твэна, Пейн, — эта борьба была настолько ожесточенной, что приниматься ее всерьез начинали бы одичавшие. Женщины смеялись, чтобы не плакать, мужчины — когда не в силах были бороться. Порождением этого и был западный юмор, самый жестокий и необузданный юмор на свете. Но за ним чувствовалась трагедия. Эта жестокость юмора, эта агрессивная его сатиричность, была свойственна и Амброзу Бирсу. Но у Генри и его влиятельных современников юмор смягчается, превращается в лиризм, в прелесть, в изящество. Все, что идет в американской литературе от Генри, уходит все дальше от сатиры к голубому шутливому каламбуру, к беззлобной шутке, остроте, к смешному во имя смешного.

Юмор трансформируется, приобретает новые формы — в особенности газетный юмор. «Юмористические темпы американской жизни», — читаем мы у американского критика Стювена, — рост техники, новые виды транспорта и рекламы изменили и тип газеты и стиль газетного юмора. Он становится лаконичным, точным, опресненным — юморист вынужден острить в пределах 5—6 строк. И если век дилжансов и первых железных дорог породил Твэна, то век автомобилей и самолетов создал Уэла Ларднера. Юмористическая новелла исчезает с газетных страниц. Юмор приобретает «локальный» характер, основа его — каламбур на местные темы. «Гэг» — термин, рожденный в актерском быту и означавший случайно вставленное комиком острое слово или шутку, переключившее в газету, популярно и в театре и в высшем элите все виды юмористических жанров. Вот типичные образцы таких «гэгов», едва ли очень смешных с точки зрения нашего представления о юморе.

«Виде только вчера миссис Дж. П. Шварц намеревалась отладить свое новое

платье и почистить бензином свои перчатки. Но сегодня оказалось, что и платье и перчатки совершенно вшору второй жены мастера Шуэра, которой, видимо, и прилетело их гладить и чистить».

Или: «Когда у старого Джозаифа Бонфалды спросили, где он достает кроликов для своих чудесных сэндвичей с кроличьим мясом, он простолино открыл секрет: «Отправляюсь в ближайший двор и как только кто-нибудь из них замаякает, стреляю».

Общепризнанным «королем» этого жанра был Уил Роджерс, погибший несколько лет назад во время воздушной катастрофы вместе с летчиком Виллом Постом. Роджерс считался самым остроумным человеком в Америке, непревзойденным мастером каламбура, лаконичной остроты, «гэга». Его 10-15-строчные юморески — даже не анекдот, а скелет анекдота, большая часть построенные на обыгрывании каламбура, трудно переводимы и едва ли интересны для нашего читателя — слишком уж «закалены» их юмор, слишком ограничены специфически американской злобностью.

Но Уил Роджерс и его «жанр» — это лишь один полюс современного американского юмора. Другим полюсом попрежнему остается юмористическая новелла, вытесненная на территории журналов и сборников. Здесь еще живы традиции Твэна и его предшественников. Сатирический элемент, откровенный эпигонизм О. Генри, вновь получают право на существование. Юмористика Стювена Ликока, например, носит уже совсем не «утешительный» характер. Его сарказм направлен по определенному адресу, он не только острит, но и высмеивает. Его герои — поляки и туземцы, деланы и мошенники; его мишень — мешанская косность, безликая обязательность. Новеллы Ликока, по правде сказать, — это далеко еще не полноценная социальная сатира. Ликока — профессор политической экономии Монреальского университета в Канаде, «высококолыбай» интеллигент, «хайвор», и его намеки над американским мещанством — не больше, чем интеллектуальное выскомерье, превращение высокообразованного буржуа в своего невежественного собрата. Сенсация Ликока почти ничто не пишет. Однако лучше из того, что им написано, вполне заслуживает внимания.

Новеллы Колдуэлла и Ларднера уже вплотную подходят к социальной сатире. С творчеством Колдуэлла советский читатель уже знаком, но о Ларднере стоит напомнить. Его зналика у нас прошла совсем незамеченной; я не помню ни одной газетной или журнальной рецензии, откликнувшейся на ее появление. Любопытно, что и левая критика в Америке прошла мимо этого блестящего сатирика, беспощадного врага мелкобуржуазной косности, тупости, жадности и лицемерия. «Я плохой критик», — писал Майкл Голд после смерти писателя, — но я не могу простить нашей марксистской критике то, что она пропустила Ларднера. Это писатель, который может многому научить подрастающее поколение нашей литературы».

Юмор Ларднера — это уже чистая сатира, острая, злая, беспощадная. Ларднер не потешился, как Ликока, над обыденными мешанской Америки, он жестоко издевается над ней, яростно ее ненавидит. Его художественные средства скупы, он лаконичен и доходчив. Его новеллы, написанные в форме монологов и диалогов, очень хорошо производят эффект. И Ларднер, пожалуй, более, чем кто-либо из современных американских юмористов, заслуживает у нас права на популярность. Хорошо прозвучали бы со сцены и новеллы Дороти Паркер. По форме они при-

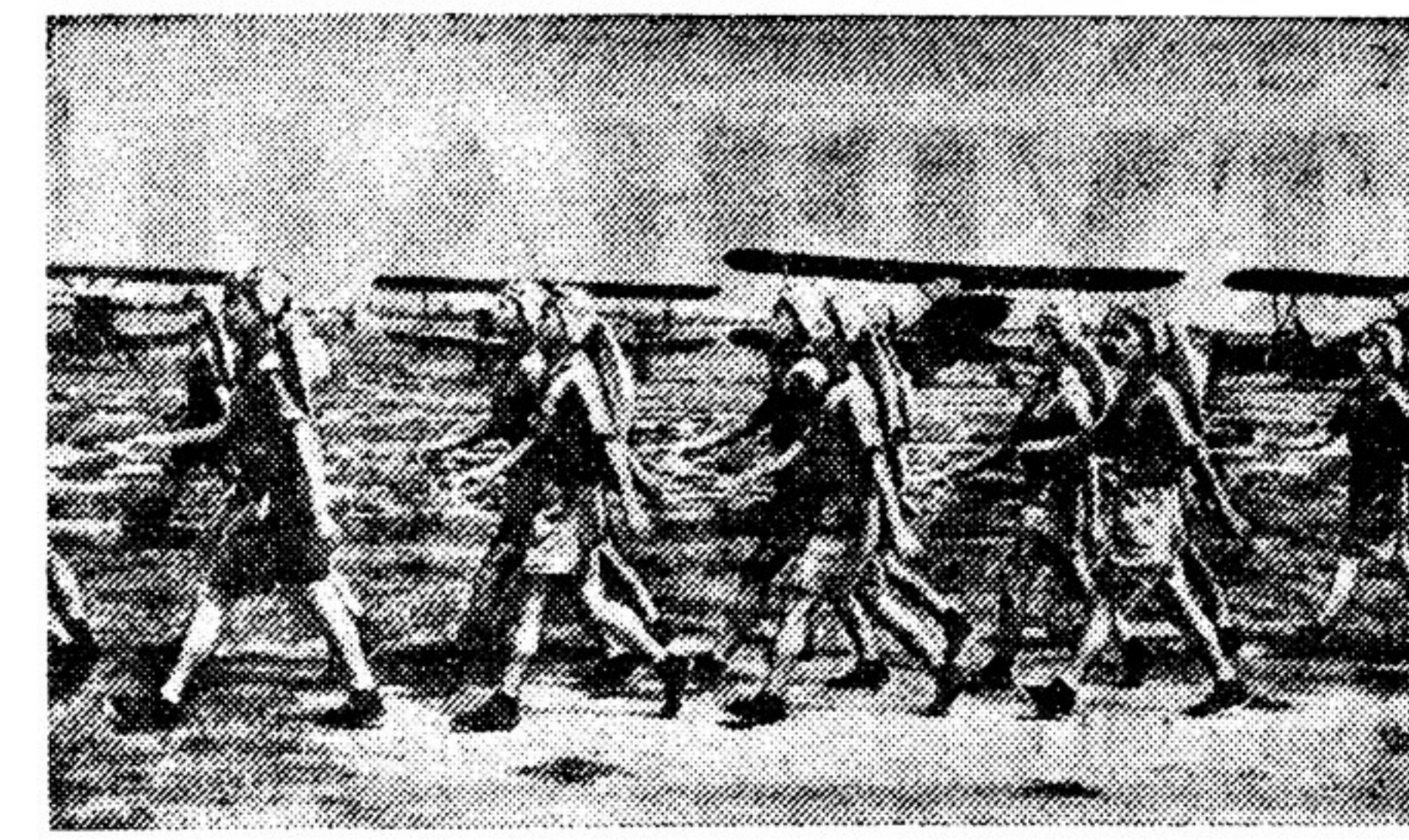
ближаются к ларднеровским. Это тоже — монологи и диалоги, сценки и бытовые анекдоты. Паркер, как и Ларднер, широко пользуется приемом сцены, что отчасти «ближает» ее и к Зювенко. Паркер — в сущности те же персонажи ликоко-ларднеровской Америки: мешанские тупицы, пошлые светские дамы, завсегдатаи буржуазных салонов, лицемерные филантропы и т. п. Но в юморе ее нет и следа ларднеровской нежности: он ближе к О. Генри, смачен порой той же «утешительной» философией.

Очень интересен Ирвинг Шоу, которого мы знаем преимущественно как драматурга (его пьеса «Мирные люди» идет сейчас на сцене Московского драматического театра). Ирвинг Шоу не только драматург, но и талантливый и своеобразный новеллист. Он не ограничивается юмористикой, но его юмористические новеллы, пожалуй, — лучшее в его творчестве. Он тоже любит ларднеровских героев, в особенности спортсменов, только не надевается над ними, как Ларднер, а больше жалует их. Его боксеры и футболисты очень смешны и немощно жалки, жертвы своей профессии, социальных условий и бытовой неустроенности. Острый сюжет его новелл, веселый диалог, комические ситуации — все это прекрасный материал для чтения.

Можно кое-что отметить и у Стювена Винсента Бена, одного из популярнейших новеллистов современной Америки. У него не так уж много «смешных» новелл, но в юмористике он явно сильнее, чем в других жанрах. Его юмор, как и у Твэна, идет от народного фольклора, сказки, легенды, которые он подчас очень остроумно обыгрывает. Есть у него и совсем твэновский рассказ о докторе, попавшем после смерти в рай. Но в рай скучно, лечит никого, и доктор отправляется в ад, где находит огромный простор для своей специальности — ушибы, переломы, увечья, совсем как в «земных» рудниках, или каменноугольных копях. По существу рассказ этот — типичная сатира на условия работы в любом промышленном центре Америки. Все знакомое и привычное в аду для доктора, и администрация ада, совсем как на земле, проявляет неспособность его медицинской деятельности. Слишком уж обогатил он «своих» пациентов, слишком много заработал для охраны их труда и здоровья, что воле не в интересах «адовладельцев». Отличный рассказ, веселый и остроумный.

Можно назвать еще не мало молодых писателей-юмористов, заслуживающих внимания советского читателя. Наиболее известны из них — Коупрал Селлер, творчество которого, пожалуй, ближе к сцене, чем к литературе. Сфера Селлера — эстрадный свет, комическая сценка, одакватная юмореска. Эти юморески, очень остроты и смешные, с оригинальным сюжетом, с эффектным диалогом, сатирически высмеивающие уродства американского быта, — превосходный материал для наших театр-минимумов, чьи «западные» экскурсы далеко не блещут остроумием и оригинальностью.

В сущности, весьма несправедливо равнодушие наших издательских и театральных организаций к иностранному юмору. Не только Госиздгизду, но и, например, издательству «Искусство», выпускающему сборники для художественного чтения с эстрады, стоило бы заинтересоваться американской сатирой и юмором. И журналы наши могли бы чаще знакомить своих читателей с материалом «семенового» в Америке. Американская сатирическая новелла могла бы найти место на страницах «30 дней», да и других журналов. Этим они оказались бы услугой не только читателям, но и писателям, ознакомив их с техникой и особенностями американского юмора.

В издательстве «Советский писатель» в ближайшее время выходит из печати книга Р. Кармена «Год в Китае». Книга иллюстрирована снимками автора. НА СНИМКАХ: слева (вверху) — молодые пилоты, окончившие летную школу военно-воздушных сил китайской армии; слева (внизу) — боец на привале; справа — боец крестьянской самообороны.

Новые переводы

Туго ГУППЕРТ

ГЛУХОНЕМЫЕ

Я их увидел электрическим днем,
В метрополитене Москвы
Говоривших на языке неземном:
Руками, кивком головы.

Без губами лепила слова,
Без звука, одно за другим,
А он пальцами рисовал
Крестики и круги.

В этих губах какая страсть,
В пальцах какой порыв!
Но нам, чужим, никогда не понять
Их нежной и тайной игры.

Она поймала его намеком,
Улыбку взяла из рук,
А я смотрел и понять не мог.
Я был нем и глух.

Кто знает, какой язык у любви,
Какие ее слова?
Глухонемой, — кто не любил, —
Кто без любви целовал.

О, тишина! Мы смотрели вокруг,
Мы были удивлены:
Мы говорим еще? Кто ж из нас глух?
Были ли мы влюблены?

Мы долго, долго смотрели на них,
Глаза широко раскрыв,
На этих людей в лучах неземных
Подземного рай Москвы.

Перевод с немецкого
А. НЕМИРОВОСКОГО.

Саломея НЕРИС

ПРОКЛЯТИЕ

Сумерки в избе ступились хмуро.
Все стояли пред отцом, бледны
И боялись гнева самодура:
Не признала я своей вины.

Яростная ругань злобы темной
Падала, как ливень из свинца.
В бую убежать и стать бездомной,
Унести проклятие отца?

Вдурь свернула яркая зарница,
Разогнав насулившийся мрак,
Осветив испуганные лица
И отцовский поднятый кулак.

В ноги злому старику не кинусь,
Не раскаюсь в правде слов моих,
Не погрязну в тощую тряпину
Предрасудков темных, вековых!

Ветер дверь открыл, срывая с петель,
Я ушла и не вернусь назад.
Путь в лесу под молниями светел,
Тучи громяхают и грозят.

Оглянулась я на дом знакомый —
Он к земле придавлен тяжелой тьмой...
Кто пойдет за мной по бурелому,
Кто из них услышит голос мой?

Июль 1937 г.

Перевод с литовского
Мих. ЗЕНКЕВИЧА.

Симон ЧИКОВАНИ

ДУМЫ НА МТАЦМИНДЕ

Мтацминда¹, я видал твою злату,
Твоих камней задумчивую высь,
Матеевский паен и бег коня крылатый,
Пустыню мгла, — куда ни оглянешь.
Отчужден боль, что, затаив дыхание,
Мы пролегли в столетях гроб,
И саламури² горькое стечанье!
И ринуть в потоках слез.
Меня томил, как тучи пред ненастьем,
Твой вечер, чистый сумрак твой,
Творотой мыслей, без участия
Похолодевших в дрожи вековой.
Я знал печаль развенчанных покровов,
Звезду, остывшую над пленником утрат,
Здесь шел Бараташвили, думой сквова
И беззащитностью обят.
Мы сердца гнет, ущерб закаты светел,
Туманный глаз полуочной твоей,
И тайны тягостной поэта
На всем печаль — в мелькающих дней.
Мы выжили, бывшие бум,
Мы взяли горных дум волнение и узор,
Была над тобой простор, холодный и
понурый,
Прозвенный звездами шатер.
Разорена листва была в игру лохмотий —
Ущерба луна даскала грань высот,
Но вижу дни твои в нежданном взлете
И слышу первый твой восход!
Ты помнишь, как бродил я в
залустьях
Твоих полях, бездомный пленник?
Там вскоррмен сад зияющей
цветением,
Как взрыв апреля — смелую внемем.
Ты вознеслась, как остров в светлом
море,
Внизу шумит Тбилиси, город мой,
Как всхлывший апрель, в живом
уборе,
Простертый вдали, как сказка
вольный
строй.

И вот в преддверии сумрачного срока
Я снова пленник твой, гора,
Ты вечер мой голубокий,
И тайны узанной игра!
Поги рогатки, ликуйте,
Мтацминда, мать воскресших гор,
Вас жлет в торжественной минуте,
И ваших песен слышит хор!

Ты помнишь, как метался я под игом,
Гора высокая, горимельных дождей?
Тогда не двел здесь сад и в поле
диком
Я был один и наг в кружевных дней,
Обаян был я бурями твоими,
Меня терзал дождь немолчный зной,
С горы бежал поток неукротимый,
Как горечь рогатки, как плач внемем.
Но жили глухие склоны,
Пустыня дронгула твоя,
И вознеслась в величии зеленом
Слезой военная земля.
Терпеть здесь топила, как кубок пенный,
Листву поднят над миром, шестелет,
Среди полей, под ветром вздох напевный
Их серебрился горный ряд.
Очаг Мтацминды гением народа
Взнесен, как стяг, — чтоб в блеске
веком

Ты расцвела в величии благородном,
Деревья Грузии увенчана шатром.
Мечта исконная злато победо кручи
И садом вознарасилась здесь,
Где праздник скал и воли взрыв
могучей
И сипь известная небес.
Созружество деревьев красят струи
Источники, живых, как глет,
Работа мастера, что мысль кует живую,
И зной трамваев в мирный час.
Благословенна здесь парода волей
Рука грузинская, простертая в труде,
И вот узор под сводам голым
Расцвела на каменной гряде.
Пусть в небо соколы взвоятся,
Огнем побед сверкает земля.
Стихам дил мой прольются,
Мечта моя, расправь крыла!
Выиграй, метишь за дали свода,
И зная: твоя воскресла мать.
Предстань стихом, чтоб в торжестве
народа

Возлю достойное сказать.
Природа вся — в творении неустанном,
Здесь камень звук речей обрел,
И видит Берия: в победном ликовании
Стремится в высь наш пламенный орел,
Привет наш Сталину и благодарность
веса,
Хвала тому на вечные года,
Кто утвердил в нас имя человека,
Победы волю и труду!

Перевод с грузинского НАТЫ ЧХЕИДЗЕ.
¹ Мтацминда — гора, у подножия которой расположен Тбилиси.
² Саламури — свирель.

Проф. С. РОДЗЕВИЧ

«ОШИБКА ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА»

Творец «Человеческой комедии» справедливо гордится тем, что создал в ней целый мир. В 1911 г., отвечая на вопрос французского «Общества друзей Бальзака», М. Горький писал: «...книги Бальзака наиболее дороги мне той любовью к людям, тем чудесным знанием жизни, которые с великой силой и радостью я всегда ощущал в его творчестве». Именно эту любовь к людям, борьбу в великом романе его глубокого природного гуманизма с «легитимизмом», с упорным политическим лигианством стремится показать Натан Рыбак в своем романе «Ошибка Оноре де Бальзака».

Перед читателем проходит три последних года в жизни Бальзака — годы финансов и творческого его усаяния. Лицо человека работы над грандиозной «Человеческой комедией» протопала в условиях непрерывной борьбы с издателями, кредиторами и умственными мелочами буржуазной парижской жизни.

Сердце и нервы Бальзака не выдерживают больше сверхчеловеческого напряжения. Писатель чувствует себя смертельно утомленным. Он хочет отдыха, счастья. Еще с 1832 г. вазался его (сначала заочный) роман с Эвелиной Ганской, женой польского помещика Вацлава Ганского. Прошло много лет. Романтические встречи в различных местах Европы завершаются, наконец, в 1847 г. первым приездом Бальзака в Верховню — магнатское поместье Ганской. Этому моменту, казавшему писателю событием огромной важности в его жизни, посвящена первая глава романа Н. Рыбака.

Осенние Столетние линии «выпадают в неусласимом огне». Ветер срывает листья с деревьев перед яркой старой Лейкой. Ночью, когда за окнами шумит мостовая дождя, в корчме появляется необычно чуждый вид путника. Это — Бальзак. Начиная с этой сцены и до последней главы романа, растет напряженное внимание читателя к его основному герою, растет симпатия к Бальзаку.

Что ищет здесь, на закрепованной Украине, этот пожилой, отяжелевший, большой человек, отживший на труднейшее путешествие из Парижа в Верховню? Любви, богатства и путей к славе. Сам Бальзак писал в одном из писем к Ганской: «Как я перемешивал любовь и дела, славу и деньги!».

Натан РИБАК. «Помнил Оноре де Бальзака». Роман. Переводов акад. О. И. Бельского. Первое литературное издание. М., 1940.

изучения и дела, и славу, и деньги». Не любилась пойти тем же путем и Н. Рыбак, как роман, но поставил перед собой еще более сложную задачу — прочитав по нескольким последним страницам жизни Бальзака все его личную и социальную трагедию, ту и другую в их сложном внутреннем единстве.

Личную драму Бальзака — скорбный финал его «романа» Н. Рыбак стремится изложить и проанализировать в органической связи с социально-политическими условиями жизни писателя и процессом постепенного разочарования в них, горького осмысления в их смысле. Она за другой мерилу пристраивается к своей «северной звезде» — Ганской в естественной для нее атмосфере крепостничества, помещичьего быта 1847—1850 гг. Чем дальше, тем острее начинает сознавать Бальзак глубину своего одиночества в обществе Ганской и людей ее круга.

Ф. Энгельс в классической своей характеристике реализма Бальзака отмечал, что творец «Человеческой комедии», «видел неизбежность падения своих любимых идеалов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи». Единственный человек, которого Бальзак говорит с уважением, — это помещик, писал с восторгом Энгельс — это его явные политические противники — республиканские герои «Cloire Saint Merit» люди, которые в то время (1830—1836) были действительно представителями народных масс. Глубоко внутреннюю связь Бальзака, влюбленного в народные массы, проявляющегося часто стихийно, неожиданно для самого писателя, желает показать в своем романе Н. Рыбак. В справедливую и смелую творческую полемику вступает он с теми литературоведами, которые уверяют, что «десять тысяч десятилетий, сорок тысяч баров, триста слуг» — все это вымышлено в Бальзаке восхищении» (И. Сухотин. «Бальзак»). Неужели правда, что Бальзак «ни на минуту не казался странником, что бок о бок с прекрасными картинами великих мастеров и роскошными коврами торгуют людьми, секут людей».

Целью рядом художественно убедительных аналогов Н. Рыбак смело разубавляет традиционное изображение Бальзака в роли какого-то будущего соратника раба, восхищенного, а не возмущенного им. Однако, могут возразить, существуют ведь письма и статьи самого Бальзака, которые давали право именно для такого традиционного изображения. Эти факты известны, конечно, автору романа о Бальзаке, но он, основываясь на глубоких исследованиях К. Маркса, Ф. Энгельса, А. М. Горького о творчестве Бальзака, умеет определить их место в его биографии.

Не верит порой словам самого Бальзака с тем, чтобы глубоко проникнуть в тайные движения его мысли и чувства, постигнуть сложную и мучительную борьбу Бальзака «легитимиста» с Бальзаком-гуманистом — задача, огромные творческие

трудности которой очевидны. Следует признать, что Н. Рыбаку удалось успешно преодолеть главную из них — опасность упрощения, схематизации образа гениального писателя, не претендуя, конечно, на исчерпывающее раскрытие во многом еще не изученной личной драмы Бальзака — финала его романа с Ганской.

Действие «Ошибки Оноре де Бальзака» развивается в двух планах: на Украине, в имени Ганской, в Киеве и в Париже. Краски писателя сочные, яркие в изображении первого из них, но было бы придраться, указывая на некоторую сухость и неувязность во втором. Я выбрал — в 1850 г., отписать уместно Н. Рыбака уловить характерные черты этого бурного трехлетия, поставившего европейскую буржуазия перед грозным для нее фактом роста революционных сил пролетариата. В типичных, оставшихся в памяти читателя образах, предстают пред ним николаевская Россия и Франция Луи-Филиппа накануне и после революции 1848 г. (главы «Шлаббаум и версты», «Дом на улице Фортоне»). Парские жандармы усердно искореняют посылку «красному», Великий украинский поэт в ссылке. Ему запрещают писать, но песни Тараса Шевченко звучат по всей Украине. Их вдохновенно поет на ярмарке в Киеве старый кобзарь Северин, и заинтересованный Бальзак углубляет содержание песни по глазам кобзаря, читает по их лицам. И то, что волнует его в песне кобзаря, волнует и в подлинно вдохновенной игре на скрипке дель Мусия, талантливый крепостной музыкант.

Бальзак плачет, слушая игру Мусия. Возможно, что автор романа несколько преувеличивает растроганность Бальзака. Возможно, что реальный Бальзак не вылезал из комнаты, «как восемнадцатилетний юноша», так как не только бегать, но и ходить ему было трудно, но нельзя не верить в психологическую реальность этой сцены, как и сцены неожиданного появления Бальзака морозной зимней ночью в убогой хате дель Мусия и его племянника Василья, где Бальзак еще раз случается поразило его игру старому крепостному.

Все истиннее ощущает Бальзак какую-то глубокую свою внутреннюю связь с широкими массами, сила протеста которых против мира насилия человека над человеком стихийно отражается в лучших произведениях. Об этом говорит ряд ярких эпизодов в романе Н. Рыбака, как беседа Бальзака с издателем Гостеном, графиней Висконти, потом Лангарином и прекрасная сцена встречи великого писателя с рабочим-стеколяшником Кастелем.

В известном романе Рене Бенжамена «Необычная жизнь Оноре де Бальзака» Бальзак, приезжая в Верховню после революции 1848 г., дарит Ганской кузек бархата с трона Луи-Филиппа, разрушенного восставшим народом. В романе Н. Рыбака Бальзак рассказывает Ганской, как он, находясь в королевском дворце, хотел взять этот легендарный кусок бархата, но не успел, так как «червь зарулил трон топорами». И неожиданно для самого Бальзака из уст его вырывается прекрасное Ганскую слова: «О, это был праздник труженников!» В голосе его «звучило одобрение и радость». Авторский комментарий тут мог бы отсутствовать. Читатель и слышит интуицию произносимых Бальзаком слов и хорошо помнит, как в порыве «неудержимого пыла» Бальзак «вместе с тысячами людей» кричал: «Да здравствует республика! Долой короли!» (глава XII). В эту минуту он «сжался сам собой». Было бы нелепым доказывать автору романа, что реальный Бальзак никогда таких бурных слов не произносил. Он мог их произнести, они звучали, они должны были звучать в его душе — в этом убеждает склонного ему верить читателя Н. Рыбак.

Бальзак признается, вспоминая юношеские годы: «Я любил эти бедняжки, их полную тишину жизни... Я выбрал — с ними или с салонами. Я выбрал последнее...» Бальзак не заканчивает фразу — он «не осмелился вступать против своих ошибок». Женитба на Ганской была логическим и фатальным для Бальзака последствием основной его ошибки. Однако Н. Рыбаку следовало бы ближе раскрыть ее социальное содержание, глубже продумать вопрос о сложном положении Бальзака как писателя 30—40-х годов XIX в., между развивающейся буржуазной демократией и растущим исторически пролетариатом, о котором с уважением и известной опаской писал Бальзак в «Злато-отце дельушке». Н. Рыбак несколько преувеличивает роль личного влияния Ганской на «легитимиста» возвращая Бальзака, Корин «раздвоенности» писателя делал глубже — в той противоречивой капиталистической действительности, которая толкает в «Человеческой комедии» Растиньяка и Льюиса Шардена на путь своего высшего империалистического идеала.

Бальзак ощущает «адскую пустоту» в своей душе, но все же настойчиво стремится к браку с Ганской. Он авклинен, наконец, с деланным лафосом Бальзак говорит: «Тычер, Бва, мы начинаем новую жизнь». Начинается ужасный финал старой, быстро соревшей жизни. После женитбы Бальзака на Ганской, происшедшей в XX главе романа, непосредственно следует смерть смерти и похороны великого писателя-реалиста. Из поля зрения автора романа выпадают, к сожалению, последние три месяца в жизни Бальзака — самые трагические в ней месяцы сознания безысходного своего одиночества, своей обреченности.

Н. Рыбак не претендует в своем романе на последовательный-аналитический метод раздвигания событий. Роман состоит из отдельных картин, объединенных единством творческого замысла, лафосом и лирическим своим логическим идеалом.

Бальзак ощущает «адскую пустоту» в своей душе, но все же настойчиво стремится к браку с Ганской. Он авклинен, наконец, с деланным лафосом Бальзак говорит: «Тычер, Бва, мы начинаем новую жизнь». Начинается ужасный финал старой, быстро соревшей жизни. После женитбы Бальзака на Ганской, происшедшей в XX главе романа, непосредственно следует смерть смерти и похороны великого писателя-реалиста. Из поля зрения автора романа выпадают, к сожалению, последние три месяца в жизни Бальзака — самые трагические в ней месяцы сознания безысходного своего одиночества, своей обреченности.

В порядке обсуждения.

Элементарная ошибка

В повести «Доверие» вызывает досаду разительное несоответствие между зрелой, весомой мыслью, точнее замыслом автора и бесплодным, условным образом. Это несоответствие приводит к тому, что простая, правильная мысль, доверенная условным, призрачным персонажам, возвращается к автору — и к читателю — в совершенно неузнаваемом виде. Нельзя недооценивать огромной деформирующей силы неверного слова и даже неверной интонации. Искусство — область высокого напряжения, там есть свои правила «технической безопасности», и нарушение их влечет за собой тяжелые увечья.

Штурман Варичев, в результате кораблекрушения, попадает в маленький рыбацкий поселок, расположенный на далекой северо-восточной оконечности нашей страны. Впрочем, это не точно: условный штурман Варичев попадает в условный рыбацкий поселок. Уже первое знакомство с рыбаками и рыбацкими явственно говорит, где именно они «расположены». В произведениях западных символистов нетрудно найти прообразы персонажей писателя Северова. Представьте себе простые, сильные натуры, истых «детей моря», с большим знанием дела разбирающихся в тончайших изгибах психологии «спорного» доверенного европейца. При этом они ничего не утрачивают в своей непосредственности и в силе своих душевных движений. Правда, их выдает стигм их речи — загадочной и высокопарной. «Европейцу» ничуть не приходится поступаться своей сложной, символической фразеологией, чтобы быть понятым до конца; в сущности, это люди одной культуры, но разной морали. Видимо, рыбаки и рыбацки, в свободное от лова время, почитывали Ницше и Шиблейского, но, в противном «спорному» прищельцу, с презрением отворачиваясь. Самый конфликт между детьми моря и пришельцем японского происхождения и вступает в силу в момент, когда на горизонте появляется корабль, на котором, по мнению их, находится человек, чья для себя лишь чужья воля...

В удоболичии этой повести Северова соответствием произведениям европейских символистов нет ни малейшего преувеличения. Штурман Варичев — несомненно ницшеанец, неведомо где и когда сформировавшийся, и автор поставил себе благородную и бесплодную цель разоблачить до конца этот обветшавший персонаж, не имеющий ни малейшего живого соответствия в нашей действительности, хотя бы даже в виде психологического курьеза. Варичев, вопреки приказу командира, остается последним на гибнущем корабле, чтобы испытать свою душевную силу. Он хочет быть сильным, чтобы стать первым; овладеть собой — чтобы властвовать над другими. Его забрасывает в одинокий рабочий поселок — начинается второе испытание, тут, в маленьком коллективе, он становится первым человеком поселка. Своей философией он соблазняет другого пришельца, названного рыбака-бродягу Петушка, доказывает ему призрачность величия долга и установлений закона. И повзвелевший бродяга-ницшеанец совершает по его наущению вредительский акт, чтобы доказать себе свою «силу». Вот разговор Варичева с Петушком:

— Вот, видишь, сколько кругом травы?

— Да, — едва слышно произнес Петушок.

— И каждая травинка сходна с другой. А вот дальше — береза. Она крепче, она сильнее травы...

Петушок слушал жадно, словно боясь, что Илья замолчит.

— И что ей трава? — продолжал Илья. — Береза сильнее. Так люди, есть сильные, их мало, а остальные — как трава.

— Я — сильный, — сказал Петушок.

Варичев улыбнулся:

— Не знаю... Одна бригада Асмолова вперед идет?

— Не веришь? А как мне силу эту доказать... как начать?

Илья с удивлением взглянул на него:

— Как раз об этом сильный не спрашивает. Самое главное — у Асмолова хороший невод.

Еще несколько изречений о березе и траве, и дело сделано: на другой день невод Асмолова был уничтожен.

Такие же сложные «философские» отношения устанавливаются у Варичева с рыбацкой Серафимой. Она тоже любит «силу», но это — женская, высокого морального духа, и ее питателям из Ницше и Шиблейского не проводится: она знает им цену. Между Варичевым и ею идет сложная словесная и внутренняя полемика, и этот упорный негодяй, в конце концов, терпит позорное поражение. Серафима возвращается к своему мужу, которому и мудрому мальчишке Николаю, нежному, как дитя, чистому и вайновому сыну моря...

— Вы все хотите знать. Вы все одинаковые, горские. — почти со злобостью проговорила она. Косая тень от печки угла падала на ее лицо. Оно казалось

Петр Северов. «Доверие». «Советский писатель», 1940 г.

«ВЕНОК ШЕВЧЕНКО»

10 марта 1941 г. исполняется 80 лет со дня смерти великого кобзаря украинского народа Тараса Григорьевича Шевченко.

К этой дате в издательстве «Художественная литература» подготавливается к печати литературно-художественный сборник «Венок Шевченко».

Сборник, объемом в 25 печатных листов, будет содержать в себе лучшие поэтические и прозаические произведения, посвященные поэту-революционеру, а также рассказывающие о разных периодах его жизни.

Значительное место займут стихи Шевченко советских поэтов всех народов СССР. Это будет своеобразный, поэтический венок Тарасу.

Прозаический раздел «Венка Шевченко» задуман как художественная биография поэта. Здесь мы находим большой биографический очерк М. Тардовского

гневым. — Душу человека узнать, что море до дна изведать. Дочка душа — мышлчок пугливый. Третья — перший утор... А вот у Николая — настопная... человеческая душа.

Да, уж эти сложные «горские» люди! То ли дело — дети моря, пусть даже, как уверяет автор, советские колхозники. Впрочем, они весьма редко встают в свои высокие речения обыкновенные советские слова, предпочитают изъясняться на мертвой латыни давно позабытых второстепенных символизмов. В повести происходит немало потрясающих событий: убийства, погромы, напение японских диверсантов. Все это — прямое следствие того, что в срезу простых и мудрых детей моря проявил «спорный» городской человек, начинавший сатанинскими идеями. Какие только влияния не спелись на маленький пространств этой повести: тут и символизм, и Руссо из вторых рук, и Купер, и даже Александр Грин! Между тем, у автора был простой и ясный замысел: противопоставить советскую, социалистическую мораль мелкой и высокопарной эгоистической морали, показав возмущение, которое жлет в нашей стране каждого, кто пытается обмануть общественное доверие. Во что же превратился этот замысел у автора, неосторожно вступившего в зону высокого напряжения — в зону искусства — без знания «правил безопасности»? Автор терчет себя с первых же строк, чуждый нашей литературе образный материал своей косой, инертной тяжестью давит, ломает и карежит его замысел до неузнаваемости. Верная мысль, близкая советскому читателю, будучи оторвана от породившей ее конкретной действительности, обретает столь широкую, абстрактную, «общечеловеческую» звучание, что утрачивает всякий смысл. Нам не свойственно абсолютизировать понятия «справедливости», «добра», «чести» — и, право, понятие «общественного доверия» не является в этом ряду исключением. Нет сомнения, что автор придерживается подобного же взгляда, и он несет ответственность не за скучную философию, которая проникла в его повесть вместе с чужим образным материалом, а за то, что допустил этот материал на страницы своей книги. Это — грамматическая ошибка, забвение элементарного положения о неразрывности формы и содержания. Не следует писателю жить чужим, а тем более — чужим образным опытом.

К счастью, автор в этом и не нуждается. В его книге есть несколько хороших рассказов, и лучше — «Рассказ о счастье» и «На далекой реке». Они столь просты, что пересказать их трудно. На море сильный шторм. Сторож маяка, Егор Иванов, указывает путь большому краболову. В это время к берегу прибывает рыбацкий баркас, его несет к скале, нужна срочная подмога. Но сторож не покидает маяка: на краболове пятьсот жизней, а на баркасе — три. И когда баркас был спасен, оказалось, что на нем рыбацкая жена сторожа и его две дочери. Несложный, достаточно традиционный сюжет, но читателю кажется, что автор изобрел его впервые. Да так оно и есть: в этом рассказе жизненный материал не наработан сюжет, он открылся автору — и открывается читателю — вне всяких условностей искусства, их обнаруживаешь позднее, когда эмоция уже успела отложиться в душевной памяти.

Второй рассказ — «На далекой реке» — наибольшая удача автора. Врач далекой фактории ежегодно выезжает на утом суденышке за много километров от своего дома, чтобы встретить знакомых моряков с рейсового парохода и пригласить их к себе на бутылку вина. На этот раз у него новость: он женился. Моряки входят к нему в дом и видят молодую чукчанку, склонившуюся над учебником английского языка. В сущности, это все, что поддается пересказу. А на деле это рассказ о новой, советской культуре, о новых, замечательных людях, о безграничных, освоенных просторах нашей страны. В рассказе верные слова, отлично найденная интонация, глубокое соответствие жизни. Автор знает далекие моря, далекие реки, больших, безымянных людей. Зачем же ему писать мимо себя, донашивать старые, обветшавшие одежды символизма?

Есть в книге еще одна маленькая повесть — «Возвращение Джемса Купера». Джемс Купер — это Иван Тарасов, сын рабочего, некогда попавший за границу, разбогатевший, и через четверть века посетивший свой родной город. Ему, жестокому и расчетливому пролетариату, противопоставлен его брат Алексей, советский инженер-кораблестроитель. Это вещь недостоверная, надуманная, порой фальшивая, порой наваяная. Так, к примеру, с чрезмерной панностью изображена «светская» жизнь английских богатей, видимо, плохо известная автору.

Петр Северов — писатель безусловно талантливый, но ему следует вести более близкое знакомство с грамматикой искусства. Правда, он делает элементарные ошибки, но ведь элементарные ошибки — самые распространенные, и преодолеть их труднее всего.

«Тарас Шевченко и его жизнь», статьи, очерки, отрывки из произведений русских и украинских советских писателей. Так, в сборнике будут напечатаны: «Три шляхи» Вс. Иванова, «В гостях у Шевченко» В. Вересаева, «Петербургские встречи» В. Бояновского, отрывок из повести Б. Ващенко «Возмущение», «Молодость поэта» С. Заречной, «Орская крепость» П. Евстафьева, «Детство поэта» А. Делча и Л. Ват, «Шевченко» В. Лидина, «Илья В. Сянова. В переводе на русский язык публикуются «Тарас» Нв. Ле, «Смерть поэта» Н. Рыбака, «Гайдамаки» А. Любченко, «Ночь на Волге» А. Малышко, «Атра Одржля» и «Ярина» С. Склиренко и др.

Кроме того в сборнике будет помещено высказывание А. М. Горького о творчестве Шевченко, относящееся к 1909 г., когда Алексей Максимович читал лекции в капридской школе.

Книга воспоминаний К. Чуковского

В публицистических книгах и заметках Чуковский с особым мастерством и любовью пишет о людях с ярко выраженными внешне чертами таланта. Чувковский пишет и подмечает новые и новые проявления остроумия, своеобразия, исключительности, пафоса в них благодарный материал для своих зарисовок. Рассказывая, он любуется этими людьми и как бы говорит:

— Посмотрите, какая прелесть этот талантливый человек! В известном смысле книга Чуковского о больших людях — это книга восхищения. Его мало привлекает медлительный рассказ о совместной работе, обстоятельных беседах, об окружении человека. Он рассказывает только о моментах победы ярких и занятых людей. Его поразила какая-нибудь черта, он обдумывает эту черту восторженно, забывается, восклицает ему сам и хочет воскликнуть другим.

Примы письма Чуковского в его «Воспоминаниях» — это примы художника-колориста. Образ создается порой несколькими сильными и резкими штрихами, рельефно выступающими на передний план. Поклонникам добросовестных, протокольно-документальных записей подобный прием изложения может показаться несколько субъективным, некоторые штрихи портретов субъективными, однако, как нам кажется, эти претензии были бы несправедливы в отношении книги Чуковского.

Прежде всего очерки Чуковского поражают глубоким пониманием искусства, восчувствованием искусства в его тончайших оттенках: зрительных, словесных и музыкальных. С первой же страницы очерков о Репине — многообразно и полно, почти чувственно, мы погружаемся в атмосферу самостоятельного творчества художника, так колоритно и смачно воспроизводит Чуковский.

Восхитительно, лаконично изображает Чуковский внешние облик людей. Репин, пишущий, пришел

«...изящно одетый, в бесконечном одолжном воротничке, стариковски красивый и благостный».

В последние годы жизни Репина Чуковский «...заметила, до какой степени он одряхлел. С трудом поднимал красно-

Корней Чуковский. «Репин, Горький, Маяковский, Брюсов. Воспоминания». Изд. «Советский писатель», Москва, 1940 г.

ватые веки, и в глазах его старческий, голубовато-темчатый студень».

Некоторые штрихи, характеризующие, например, особенности творческого процесса Репина, прямо драгоценны.

«(Репин) сам говорил мне, что чаще всего, когда он пишет чей-нибудь портрет, он — на короткое время — влюбляется в того человека, пишет восторженное чувство благожелательности к нему и какой-то особенной, почтительной нежности... Первой, когда он писал мой портрет... был мелочный месяц наших отношений, никогда уже не повторившийся снова».

Характеризуя, например, строгость и скромность реализма Репина, Чуковский приводит следующий пример:

«Мой портрет он написал вначале на фоне золотисто-желтого шелка, и, помню, художник, в том числе некий бельгийский художник... восхищался этим шелком чрезвычайно... «Этот полнанный ван-Дейк», — повторял беспрестанно. Но когда через несколько дней я пришел в мастерскую Репина вновь позировать для его портрета, от «ван-Дейка» ничего не осталось».

Я посприпустил этот шепот — сказал Репин, — потому что к вашему характеру он не подходит. Характер у вас не шелковый».

Положительных, характерных для репинского творчества эпизодов в очерке можно было бы указать множество, однако, главная задача заключается в том, что Чуковский удалось с необыкновенной убедительностью создать образ живого Репина — остроумного, талантливого, крайне противоречивого порой в своих увлечениях, трудолюбивейшего работавшего до последних дней и всегда неуловимо-верного себе.

И пораждает и пленяет почти отроческий оптимизм, любовь к искусству и к жизни, которые Репин «сбергал до последних дней своей длинной жизни. Удивительно предсмертное письмо Репина, цитируемое в «Воспоминаниях», тому лучшее доказательство».

Этот небольшой очерк, с нашей точки зрения, — лучшее, что написано о Репине.

Очень удачны отдельные очерки Чуковского и о Маяковском. Укажем, например, на следующую сцену из жизни Маяковского. Поэт в описываемый в очерке период сильно нуждался, часто голодал, и приняты повелю его к мещанствывавшему издателю, бывателю и мещани-

ну, от вкусов семьи которого зависела участь книги Маяковского.

Выпятив «огромную пилую гтбу, словно созданную для выражения презрительной неапатии», (Маяковский) читал издателемским голосом:

А если сегодня мне, грубому гунну, Кривляться перед вами не захочется — Я захоочу и радостно шпуну. Иную в липо вам. И — бесценных слов трагипр и мот».

«Маяковский, — говорит автор, — стоял среди этих людей, как боец, у которого за поясом разрывная граната. И тогда впервые почувствовал, что никакие перемены, ради каких бы то ни было целей, между ним и этими людьми невозможны... и что ненависть к нам и к их труду миру — для него не стиховая декларация, но единственное содержание всей его жизни...»

Семья мещаната была шокирована стихами Маяковского, и книга так и осталась непечатанной.

В сокладенно, материал о Маяковском количественно скуднее, чем о Репине, отрывочнее и случайнее.

Вызывает лишь чувство недоумения и досады проволочная в очерке линия на какое-то «сприкрытие» между автором и Маяковским. Чуковский и сам отмечает, что «Вобщем, в ту пору наши отношения как-то не складывались... Я был (футуризм. — С. С.) посторонний и даже не слишком сочувствующий». И одновременно Чуковский проявляет неуемное стремление сблизить свою и Маяковского идею платформы на основе сложной теории двойственности отношений и проч.

Третий раздел «Воспоминаний» посвящен Горькому. Во множестве эпизодов Чуковский показывает нам Горького-издателя, Горького за редакционным столом, Горького в «буничной мелочной работе», как характеризует его сам Чуковский. По существу — это глава из биографии Горького за тот период, когда его «мелочная работа» была в действительности работой большого плаца по созданию новой литературы для миллионов, массовой переводной и детской литературы. Очерк дает нам яркое представление о тщательной и бережной работе Горького с начинающими и профессиональными писателями; Алексей Максимович лично из них не отказывает в помощи, совете, поддержке моральной и даже материальной. Однако эта, преимущественно деловая,

служебно-издательская обстановка, оторпченность материала не могли не сузить замысел Чуковского — показать Горького, как художника и как человека. Репина мы видели в его ателье — в его творческой лаборатории, знакомимся с его бытом, его буднями. Горький в очерке менее раскрыт; однако и здесь помещены характернейшие для Горького черты. Так, например, в день его пятидесятилетия, на своем же юбилее, он выступил с возмущенной речью против чествователей, возмущавших в своих докладах его гуманную любовь к «униженным, падшим людям», его «жестокость к мелкому брату».

В последнем разделе книги даны воспоминания о Брюсове. По существу — это переписка редактора с одним из авторов редактируемого им журнала. В настоящее время подобная переписка была бы невозможна — ее заменили бы телефонные разговоры. Это — мельчайшая деловая корреспонденция, лишь в немногих местах встречаемся мы в ней с высказываниями поэта о литературе и творчестве.

«Дорогой Корней Пванович! (пишет, например, Брюсов 12/III — 1911 года). Очень и очень благодарю Вас за присылку статьи. По вот в чем дело. Сегодня уже 12-е число. Книжка должна выйти 1-го. Почти нет физической возможности набрать омоничие. Позвольте потому разделить Вашу статью на две книжки: набранную половину дать в апреле, оканчивая — в мае. Возможно ли это? Это письмо облегло бы наше дело».

Таких абзацев чисто делового порядка в этой переписке можно найти десятки. Даже на более интересные письма не жидко печатать какой-то торопливности, спешки, которая могла бы даже удивить современного читателя, если бы сам Брюсов не пояснил нам, в чем дело.

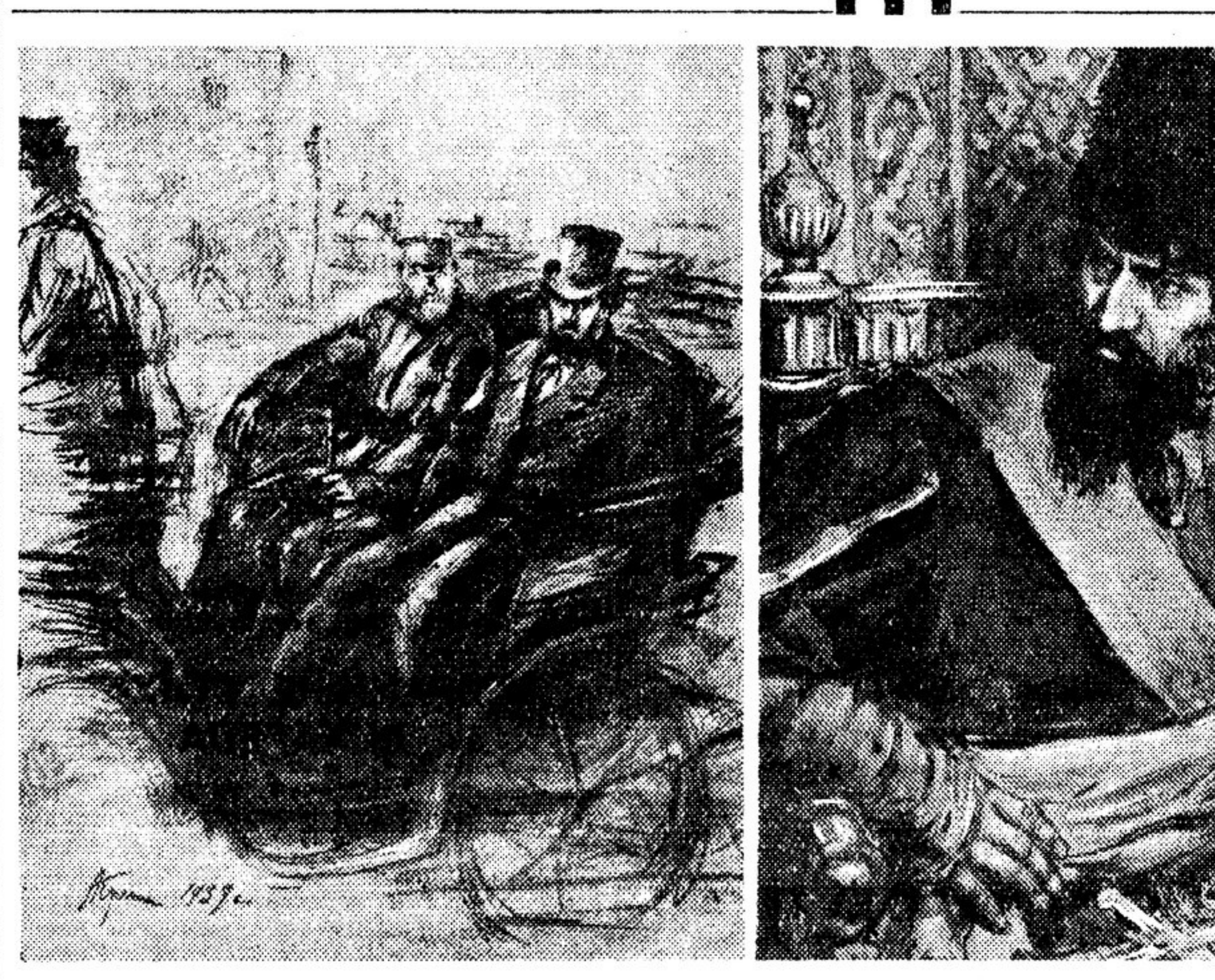
«Простите, — пишет он Чуковскому, — бесвязность этих строк, писанных в спешке ежедневной, безумно теснящей, подавляющей работе».

Если эти письма и представляют определеннейший биографический интерес для характеристики редакторской деятельности Брюсова того времени, то им место скорее не в воспоминаниях, а в материалах «Литературного наследства» или публикациях наших литературоведческих журналов.

В книге Чуковского, как нам кажется, есть два приема изложения, взаимно теснящихся друг друга, обладающих каждой своей логикой и своими требованиями. С одной стороны, образный, живописный, писательский подход к явлениям. Так написаны большая часть очерка о Репине и некий ряд превосходных страниц из других очерков. Здесь чувствуется единый подход к явлениям, безраздельно связывающий события, людей, эпоху в художественно цельный образ.

С другой стороны, — скрупулезность автора к биографо-публицистической обработке материала, имеющегося в архиве писателя, стремление быть документально полным, исторически-перспективным, даже порой дидактичным. Это создает другую линию повествования, имеющую свою положительную сторону, но органически не связную с той чисто художественной формой изложения, о которой говорилось выше.

Перед нами как бы две книги, одновременно создаваемые на материале воспоминаний художником и ученым и неожиданно слившиеся вместе. Чуковский становится со многими замечательными людьми и обладает всем необходимым, чтобы создать и крупное художественное полотно, аналогичное, например, воспоминаниям Белого, — и публицистическую книгу о замечательных людях, на основе обширной «чукчалки», справедливо заслуживающей опубликования.

Е. ЖУРБИНА ПОЭЗИЯ ДЛЯ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

«Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждает его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне же выгодно...»

Нам кажется, что в этих замечательных словах Макаренко говорит не только о тайнах педагогического мастерства, но и весьма ошутливо касается тайн искусства, обращенного к детям.

Ребенок для писателя тоже, в той или другой мере, «явление педагогическое», но свою воспитательную задачу исполняет не только в том случае, если он будет убедительным для ребенка, как «явление жизненное».

Самые сокровенные и горячие мысли наших детей связаны с героикой Красной Армии. Эта тема может быть в литературе для детей в полной своей воспитательной силе, если писатель будет видеть в советском ребенке прежде всего гражданина, прежде всего человека.

Эту тему можно лишить ее воспитательной силы, если забыть о ребенке как о «явлении жизненного» и пренебречь обязательствами жизненной правды.

Приведем в качестве примера книгу стихов «Красная Армия» Квитко и стихотворение Э. Александровой «Отец».

Книжку Квитко насквозь пронизывает извечное стремление ребенка к героическому действию, у наших детей неизменно связанное с мечтой о Красной Армии. Оно течет «вдохновением» в язычки сполохных, народных стихотворных поворотах, для того чтобы вырваться горячий лирической струей в конюшню и переосмыслить стих заповедь.

Шел я по людям — Шел, вы и шел... Железа кусок На дороге нашел. Так начинается «История про коня, про его село, подковы и удила». Каждому из этих необходимых «вдохновению» у наших детей предметов посвящена строфа. Наконец, все собрано. Навстречу только самого главного — коня.

Подумайте, нету Коня у меня! Откуда возьмет он, Скажете, коня? Стойте, ведь это же Все про меня! Так дайте мне, дайте Скорее коня!

Квитко угадывает настоятельную, напряженную, страстную мечту ребенка о том, чтобы стать «вдохновенным чучелком», «будничным конем», и поднимает ее до уровня большой поэзии. Таковы стихи «Коня я вырастил», превосходно переведенные Светловым:

Те лошади шальные С вояжми глазами, С шеями, как дуги, С крепкими зубами,

Те лошади легкие, Что стоят послушно У своей кормушки В светлой конюшне...

Страстность и конкретность мечты о живой лошади нарастают от строфы к строфе, переносятся на конюшню, «в пиджачниках ватных, с тельными руками», и, наконец, приходят к своему первоисточнику и своей разрядке.

Вот я мучусь, как ветер... Мимо сосны, клена... Кто это настрелит? Маршал Буденный!

Детская мечта, выливающаяся на волю поэтом, воплущает в свое извечное противоречие о реальности.

— Ах, товарищ маршал! Жаль мне столько времени! — А ты страляешь? Ты ногой Достася до стрелы!

Ребенок чувствует себя готовым к действию задолго до того, как он на самом деле готов к нему — это основной конфликт детства. Нельзя убеждать ребенка в том, что ты не человек, а только будущий человек. Надо дать созреть его героическим замыслам хотя бы в мечтах, в игре.

В прекрасном диалоге «Мой внук» бабушка отпускает «на войну» своего крошечного внука с его деревянной пушечкой и деревянной сабелкой. И так разговаривает с ним, что дает ему возможность пережить целую гамму чувств.

— Нет, нет! Я одна не останусь, И просто не выжужу дня... — Ах, товарищ маршал! — Жаль мне столько времени! — А ты страляешь? Ты ногой Достася до стрелы!

Ребенок чувствует себя готовым к действию задолго до того, как он на самом деле готов к нему — это основной конфликт детства. Нельзя убеждать ребенка в том, что ты не человек, а только будущий человек. Надо дать созреть его героическим замыслам хотя бы в мечтах, в игре.

В прекрасном диалоге «Мой внук» бабушка отпускает «на войну» своего крошечного внука с его деревянной пушечкой и деревянной сабелкой. И так разговаривает с ним, что дает ему возможность пережить целую гамму чувств.

— Нет, нет! Я одна не останусь, И просто не выжужу дня... — Ах, товарищ маршал! — Жаль мне столько времени! — А ты страляешь? Ты ногой Достася до стрелы!

Ребенок чувствует себя готовым к действию задолго до того, как он на самом деле готов к нему — это основной конфликт детства. Нельзя убеждать ребенка в том, что ты не человек, а только будущий человек. Надо дать созреть его героическим замыслам хотя бы в мечтах, в игре.

В прекрасном диалоге «Мой внук» бабушка отпускает «на войну» своего крошечного внука с его деревянной пушечкой и деревянной сабелкой. И так разговаривает с ним, что дает ему возможность пережить целую гамму чувств.

Тут все покрывлось холодом, И стал он недвижим, Сестра, как голубь, белая, Залпала над ним.

Основная тема творчества Квитко — тема гармонического детства, где радостное познание жизни не наталкивается на каледонскую душу ребенка социальными противоречиями. В глубокой связи с мироощущением ребенка и в народности поэтическая сила Квитко. Доказать это очень просто.

В книге «Красная Армия» есть несколько стихотворений, где Квитко отрывается от этих источников творчества — в них не присутствует и поэзия:

Пусть играет море! Пусть грозит туман! Юни мы, но смелы. Дерзкий курс умело Юный капитан.

«(В плаваньи)». За этой риторикой не встает поэтический образ. Но таких стихов у Квитко очень мало, задача поэта — раскрыть высокий смысл человеческих и гражданских стремлений советского ребенка. Это и есть предмет его поэзии.

Стихи Александровой «Отец» прямо противопоставлены своим исходным позициям. Не жизнь, а зарплате придуманная схема везд поэта.

Стихотворный рассказ «Отец» начинается с того, что сын не узнает своего отца, вернувшегося с работы: «Вы к соседям? Наверно, ошиблись зоноком?» — солидно осведомляется он. Отец снимает шинель, отстраняет кобуру, откладывает фуражку, входит в комнату и говорит: «Что же так поздно?»

Только тогда сын узнает отца, и внезапно обретя дар слова, поворачивается к худобе и начинает уныло, тугиче и обстоятельно докладывать о сути происходящих событий и обо всем том, что ему поручил сказать отец.

Папа утром ушел На работу в свой цех, И на мне костюм Был такой, как у всех. А вернулся военным. В костюме другом. Он поткованый, Томанович будет полком.

На петлицах Три новые шпалы блещат. Вот бы мама позвонила Крикнуть ребятам!

Не позволяй мама... и т. д. и т. д. Весь этот монолог написан лишь призывом этой интонации детской речи, конкретности и полноты детского мышления. Ребенок не охватывает «костюм, как у всех», он не будет топтаться на месте, скажашки, что отец вернулся военным, — не прибавит «в костюме другом», скажашки: «Он поткованый», не прибавит «командовать будет полком», — он скажет или то или другое.

Вторая часть стихотворения — рассказ матери об ушедшем в Красную Армию отце. Здесь сказано все, что полагается, о героизме, о мужестве и подвиге. Но именно сказано.

В образке героя мать не идет дальше тех самых «стрех шпал в петлицах», которые еще в первой части стихотворения отметил наблюдательный ребенок, не улавливающий своего отца. В самые ответственные моменты

У него на петлицах три шпалы блещат... ..На петлицах три шпалы от солнца блещат...

Блеск этих шпал решительно не дает возможности разглядеть героя поближе. Но, впрочем, вот конюшка:

Среди народа, окружившего командира в одной из деревень Западной Белорусии, — дети. Командир видит мальчика, похожего на его сына, и тогда, ласково обнимая его и отдавая ему конфетку, подраженную сыном, он говорит:

Для тебя я конфету В походе сберег, По тебе я соскучился, Здравствуй, сынок!

Здесь, вероятно, автору кажется, что он увенчал свой поэтический замысел. На самом деле же чувство меры, чувство жизненной правды совершенно оставило. И мы не сомневаемся — ребенок не простит этой фальши.

Ни пусть бы отдал конфету, но зачем же говорить чужому мальчику «по тебе я соскучился, здравствуй, сынок»? И в самом деле, — зачем? Неужели автор не смог отделить высокое чувство любви и дружбы к ослепленному братскому народу и к его детям, не путая его о чувством отца к сыну?

Итак, рассказ начинается с того, что сын не узнает своего отца, а кончается тем, что отец путает своего сына с чужим ребенком. И все это сделано для того, чтобы рассказать детям о Красной Армии. Видя ли плещет чем-либо воображение детей эти стихи и дадут им зарядку мужества, доброты и героизма. Очень жаль, что это приходится говорить о стихах Зинаиды Александровой, автора прекрасной героической песни «Гибель Чапаева».

Стихи Квитко, оставаясь поэзией для детей, становятся поэзией «для всех». Литература же воображения и забывает о том, что он прежде всего человек, прежде всего гражданин. Не выполнит своих воспитательных задач и не будет существовать как поэзия ни для детей, ни для взрослых.

Один литератор, собирающий «морскую поэзию»...

Домали белые руки свои Не она повесть и мать; Своих женхов и своих сыновей Им больше вовек не видеть.

От Эберлина в полотно миль. На дне, зарытых в песок, Отважный сэр Патрик Спенс лежит Со своей командой у ног.

Та, почти символически для всей классической морской лирики, олицетворяется рассказ о славном капитане Спенсе в одной из стариннейших шотландских народных баллад.

Приведенное выше наблюдение приходит на память, когда читаешь только что вышедшую книгу стихов молодого ленинградского поэта Алексея Лебедева.

и достоинства и пороки большинства стихотворений А. Лебедева.

Он абсолютно ясны и просты по содержанию. Лебедев пишет об артиллерийской батарее; о трагичке, которая «кончатся для плаванья нашего флота» морские пути.

Да здравствуют наши походы, Штурвал под валежной рукой, Великая служба погоды И точность науки морской!

Уходят матчи ввысь отсюда, И путь в моря широк и прям, И в туманах эскадронных тесно Могучим новым кораблям.

А нам морями дальнее плавать, Владеть любовью глубиной, Наследникам гангутской славы И начинателям илой.

У Лебедева есть то, чего так нехватает многим нашим молодым поэтам: у него есть большие, свои интересы в жизни, своя тема, свой мир.

Своей небольшой книгой стихов Алексей Лебедев еще раз доказал статус утверждение, что лирической темы не существует, что лирического материала нет, а есть лирическое восприятие любой темы и лирическое осмысление любого материала.

Предметом лирики может стать все на свете. Для этого нужно только, чтобы «во всем на свете» прикоснулся поэт.

Как было бы прекрасно, если бы все сказанное выше можно было отнести не только к содержанию, но и к духу морской лирики Лебедева, но и к самой поэтической ткани его стихов, к их образительным качествам!

Рита Райт в своих воспоминаниях о Маяковском, рассказывая о том ощущении, какое вызывало первое слушание его стихов в большой аудитории, говорит, что к знакомым с детства стихам неожиданно прибавлялась еще одна, которую условно называли стихийной поэзией.

Эти стихи моря, громадного размаха, живущая в душе поэта, прерастает у Лебедева в робкую, скромную «поэтичность». И стихи моря, громадного размаха, живущая в душе поэта, прерастает у Лебедева в робкую, скромную «поэтичность».

Итак, в лирике Лебедева, в «Лирика моря» есть особые основания для продолжения такого разговора, потому что сам материал «морской лирики» с редкой очевидностью требует новых изобразительных средств, требует расширения и новой логики канонической «домашней» поэтики.

«ПЕСНЬ ОБ АРСЕНЕ»

Вышедшая в Гослитиздате «Песнь об Арсене» знакомит советского читателя с одним из лучших произведений истинно поэтического творчества братского грузинского народа.

Красочная и отважная жизнь крестьянина Арсена, вставшего против грузинских помещиков и царских чиновников, сложившая свою бунную голову, подобно Раину и Пугачеву, за крестьянское дело, настолько сильно влияла на народное воображение, что послужила источником для многочисленных сказаний и песен.

Арсен Озделашвили — личность реальная, историческая. Это был герой крестьянских восстаний в Грузии в 30-х годах XIX века, гроза угнетателей и тиранов и защитник слабых и бедных.

Несмотря на исключительную популярность любимого грузинского героя, ни одного документа о его жизни и деятельности не сохранилось.

«Песнь об Арсене» и предания гласят, что Арсен происходил из деревни Марбады, знал грамоту, был статен и красив собой, считался храбрым воином, лучшим стрелком и наездником, человеком чести и долга.

ОДНОАКТНЫЕ ПЬЕСЫ А. УПИТА

Книга крупнейшего латышского писателя А. Упита «Рассказы про священников» содержит восемь одноактных пьес.

«Провожатые душ» — название первой из пьес. Священник Линде, захватив с собой нотариуса, восьмой день дежурит у дверей умирающего профессора, чтобы вырвать у него завещание в пользу общины и этим поправить свои пошатнувшиеся дела.

«Песня «Товарищи по работе» рассказывает о дружбе священника и псалма. Андрей Упит несколькими скупыми штрихами очень убедительно показывает, до какой степени паления может дойти человек, громко величающий себя посредником между богом и людьми.

«Песнь об Арсене» и предания гласят, что Арсен происходил из деревни Марбады, знал грамоту, был статен и красив собой, считался храбрым воином, лучшим стрелком и наездником, человеком чести и долга.

вость своего ремесла. С ненавистью глядя в лицо своего тупого и лицемерного коллеги, он сравнивает его с зерном, в котором отразились все пороки святых отцов и вся бесславно прожитая ими жизнь.

«В пьесе «Безбожник» пьяница-священник, напустив на себя серьезность, пытается образумить «заблудшую овцу» — рабочего, члена его общины, но последний так остроумно высмеивает святого отца, что приводит его в великое смущение.

Драматизированные «Рассказы про священников» — новое свидетельство высокого литературного мастерства Андрея Упита, сумевшего свои произведения наполнить не только богатым содержанием, но и придать им форму, дающую широкую возможность их сценической постановки силами рабочих и сельских драмкружков.

«Песнь об Арсене» и предания гласят, что Арсен происходил из деревни Марбады, знал грамоту, был статен и красив собой, считался храбрым воином, лучшим стрелком и наездником, человеком чести и долга.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ Б. ЛИХАРЕВА

Б. Лихарев одинаково уверенно чувствует себя в самой разнообразной тематике и с равной легкостью пишет в самых различных ритмах и формах стиха.

Хорошо живут колохозы, Нет невзгоды, нет помех! Вдоль дулово рдеют розы, В листьях прячется орех.

Тракторы шумят в долине, Мчат стальные птицы. Красной Армии герои Стерегут границы.

Эти строки, выбранные почти наугад, с достаточной ясностью показывают, что Лихарев не идет дальше внешней стороны явления, факта, события, которые он изображает.

ОЧЕРКИ ОБ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Абхазскую литературу русский читатель знает очень поверхностно: по тем немногочисленным переводам, которые появлялись в нашей печати, в частности в альманахе «Дружба народов».

Вальде тем молодой абхазской литературе живет полнокровной творческой жизнью, воспитан за советские годы ряд талантливых поэтов, прозаиков, драматургов.

Зарождение абхазской литературы связано с именем старейшего писателя, ныне народного поэта Абхазской АССР Дмитрия Гулия.

Многообразен круг литературных интересов Д. Гулия. За время своей почти тридцатилетней литературной работы (первый его сборник вышел в 1912 г.) он приобрел широкую популярность среди своего народа не только как поэт, но и как новеллист, романист, не...

КНИГА ОБ А. СТУПИНЕ

А. В. Ступин, талантливый художник конца XVIII, первой половины XIX века, — известен в истории русской художественной школы — первой в России частной школы живописи.

Ступин прожил долгую жизнь: он захватил и самый расцвет крепостного права и его крушение, дожив до года «великой» реформы.

Рано пробудившаяся горячая любовь к живописи в сочетании с исключительной энергией помогли Ступину преодолеть множество тяжелых препятствий, вставших на его пути.

Группа школьников, членов географического кружка, во главе с учителем географии, совершила экскурсию в Переславль. Экскурсия эта, или «экспедиция», как называли ее ребята, и послужила основой и материалом для книжки М. Поступальской.

Алексей КУНДЗИЧ

Повесть о писателе

Очень сдержанный, даже немного холмопатовый писатель Л. Смилянский написал книгу о глубоко эмоциональном, полном тонких и острок настроений писателе — солищеполюкнике Михайле Коплюбинском.

Характеры своих героев Смилянский раскрывает почти, как следователь, — точно, неопровержимо. Вот, например, помещик Красовский. Он увлекается цветами. Вся его жизнь, кажется, в цветах.

Но и здесь его встречает человек. Мужик спокойно рассказывает ему, что в селе была горячка, но почему-то не забрала его детей: что стальной ваз в деревню «на явке» бьет его в лицо; что самый близкий человек готов продать; что — меж людей, как меж волков.

Когда читаешь повесть, не углубляясь в подробности биографии Коплюбинского, то кажется, что все эти Хомеки, Красовские, адвокат Чиж и другие документальны в каждой черте своего характера, в каждом слове и движении — так они естественны, уместны в данной эпохе, характерны для окружающих Коплюбинского.

Он оставляет природу, едет в город, находит людей, родственников героя «Фата Моргане», Марко Гуше и самому Коплюбинскому, работает с ними, посещает Горького, работает в работе над большим произведением о революционной героине украинского народа. Но бодрень поднимает писателя, сердце его не выдерживает.

Лечать некоторой сешки лежит на языке книги. Умело вытот в изложение материала еще не оправывает стилистических срывов, а их в книге немало. Вот, например, как выражает автор отношение Коплюбинского к людям, это самое отношение, о котором говорится в приведенной цитате из «Integrazo» (цитирую в дословном переводе):

Сам Коплюбинский стоит перед нами, как живой. Он одинок. Его окружают двуликие либералы, националисты, предающие свой народ; помещики, завскапывающие перед знаменитым писателем, к голосу которого начинают прислушиваться уже не только все Украина, но и Россия, и «заграница».

Он в больнице. Приходит его друг с какой-то тяжелой новостью. Коплюбинский с молчаливым вопросом смотрит на него. «Ше зовсім недавно голова Карпенка Карого... Десь у селі з голоду й хвороби, замучений гитаями, загинув молодий талант горя і селянських гірських сліз Архип Тесленко. Мувився хворобою, день-у-день чекаючи кінця, ше один колос рідного слова Іван Франко. Десь у ширенних краях загубило, ше в силі неможливість свою недугу, трагічне серце мужної Десі. Хто з цих живих? Хто?»

«Люди тоже немало ему подошли. Они заслужили, чтобы ему захотелось наедине отдохнуть от их песен...» Так же печально звучит фраза: «Его поблало лицо, с небольшими усам, было увлечено своими мыслями.»

Приветствие ССР Н. С. Ашукину

Дорогой Николай Сергеевич!
Исполнилось 35 лет вашей работы на Литературно-критическом и библиографическом поприще. Работа эта должна быть отмечена, как ценный вклад в изучение нашей литературы.

В своей работе вы совмещаете исследователя, публициста и комментатора наследия наших классиков с даром популяризатора. Особенно ценной является ваша «Летопись жизни и творчества Некрасова» — настоящая книга для изучающих жизнь и творчество великого поэта.

Ваша работа по истории русского символизма, в частности, работы, посвященные В. Я. Брюсову, дали много нового в этой области. Многочисленные книги, статьи и заметки о Пушкине, Толстом, Гоголе, Михайлове и др. являются образцами популярной литературы.

Поздравляя вас с 35-летием литературной деятельности, президиум ССР желает вам дальнейшей плодотворной работы.

Президиум ССР СССР.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ РАССКАЗЫ Н. ЛЕСКОВА

В Архиве внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде найдены документы о преследовании царской цензурой произведений Н. С. Лескова.

В 1899 г. Петербургский цензурный комитет нашел вредными рассказы Лескова: «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские обеды», «Блаженный суд», «Русское тайнобрачие», «Борьба за преобладание», «Райский змей», «Синаодальный философ», «Бродяги духовного чина» и «Приключение у спаса».

Петербургский цензурный комитет сообщил в комитет духовной цензуры при Синоде, что в этих рассказах Лесков «выставляет в крайне неблагоприятном свете высшее и низшее духовенство» и что он «одних попов обвиняет в непомерной гордыне и себялюбии, других в любостыжливости, драматичности и распутовстве... Все многочисленные пороки высшего духовенства возбудают негодование к ним народа, выражающуюся, по указаниям автора, в изображениях на картинах страшного суда архиереев, охваченных одним цепью с корыстолюбивым Иудой».

Далее Петербургский цензурный комитет обратил внимание на те места произведений Н. С. Лескова, в которых изображаются пьяные священники, их ханжества и лицемерие. Очень неблагоприятно отнеслась цензура к Лескову за его отрицательные отзывы о монахах. Эти отзывы, по мнению цензурного комитета, «проникнуты тонким идиотизмом», «Комитет заключает: «Вообще все шестая книга сочинений Лескова, несмотря на неоспоримую общую благонамеренность автора, оказывается, к сожалению, дерзким памфлетом и на церковное управление в России и на растление нравов нашего духовенства».

Духовный цензурный комитет при Синоде, согласившись с мнением Петербургского цензурного комитета, признал, что вышеназванные произведения Лескова, входившие в VI том его сочинений, по авторскому русскому духовенству, а поэтому «книга эта, как вредная, не может быть рекомендована к выпуску в свет и к обращению в публике».

Книга была запрещена и в то время не вышла в свет. И. КОВАЛЕВ.

ПЬЕСЫ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

БАКУ. (От наш. корр.) Азербайджанский драматический театр имени Агабекова в нынешнем году открыл свой театральный сезон новой пьесой Сулеймана Рутана — «Газар-Наби». Это пьеса о популярном в азербайджанском народе революционере-борце против самодержавия, феодалов, беков и ханов.

Вслед за этим театр показал драму молодого писателя Тахмасиба «Бахар», посвященную новым людям сталинской эпохи.

В театре с успехом идет комедия Сабит-Рахмана «Счастье» из советской жизни.

Готовятся две новые постановки. Первая — «Давид Туманян» по известному роману старшего писателя М. С. Орубека и вторая — историческая пьеса в стихах поэта Османа Сарывелли «Абабул».

Театром принята драма «Шамил» Мехти Гусейна и пьеса Энвера Мамедханлы, посвященная героической борьбе трудящихся Азербайджана против контрреволюции и интервенции в 1920 г. В этой пьесе выведены образы товарищей Кырова, Ордоникидзе и Микояна.

Поэт Сamed Вурун пишет для театра пьесу к 800-летию юбилея Низами.

И. ФЕНДИЕВ.

«КЛОП» И «БАНЯ» НА ЭСТРАДЕ

Артист эстрады Валерий Сысов выступает в концертах о фрагментах из комедии «Клоп» и пьесы «Баня». Эти фрагменты вытеснены из репертуара артиста: таким образом, происходящие в мире будущего, не входят в композицию, исполняемую артистом. Сысов выступает не как актер, а как актер: он один играет и Присыпкин, и Баня, и Розалию Павловну, и гостей на свадьбе... Играет, разумеется, в эстрадной манере, без грима, без декораций. При этом он еще читает ремарки, разъясняющие действие, и отрывки из сатирических стихов Маяковского на бытовые темы, которые служат введением к каждой из четырех картин.

Артист Сысов не впервые встречается с драматургией Маяковского. Еще в 1921 году он исполнил роль Человека будущего в пьесе «Мистерия-Буфф», поставленной театром РСФСР при непосредственном участии Маяковского. Видимо, общение с поэтом дало артисту немало для понимания его творчества. В исполнении Сысова есть сатирическая острота, необходимая для правильной трактовки драматургии Маяковского. В его игре заметен еще и уклон к гротеску, при помощи которого в мещанстве раскрывается не только смешное, но и страшное.

Но исполнение Сысова страдает от того, что он торопится, почти не делает пауз, — в подаче текста недостает акцентировки отдельных фраз и слов, который требует драматургия Маяковского. Поэтому далеко не все острое и меткое реплики закрепились в сознании зрителей.

Несмотря на это, выступление Валерия Сысова имеет у зрителя большой успех, который лишний раз подтверждает безусловную жизнеспособность драматургии Маяковского и силу ее воздействия. Этот успех побуждал Сысова продолжать работу над пьесами Маяковского, и в ближайшем будущем он покажет фрагменты из «Баня» и «Клоп».

А. Ф.

В балетной школе Государственного академического Большого театра (Москва).

Фото И. Шагина

Литературный музей в Туле

Многие русские писатели своей жизнью и творчеством так или иначе связаны с Тулой и Тульской областью. Не говоря уже о Л. Н. Толстом, Тула может гордиться Глебом Успенским, некоторые время здесь работал М. Е. Салтыков-Щедрин, и в местном архиве до сих пор хранятся ценнейшие документы, посвященные его деятельности на посту председателя губернской казенной палаты. Из писателей первой половины прошлого века у нас пока не было в Туле музея, посвященного его жизни и творчеству.

Среди туляков-современников прежде всего надо назвать В. В. Вересаева. Когда возникла мысль создать в Туле литературный музей, Вересев одним из первых охотно откликнулся на нее. В конце прошлого года от писателя получена часть библиотечки для музея и богатые иконографические материалы.

Среди книг, насчитывающих 275 названий, 120 имеют автографы русских мастеров слова. Первый том «Очерков и рассказов» Максима Горького, изданный в 1898 г., хранит надпись: «Скромнее уважительному товарищу в деле жизни Викентию Викентьевичу Смидовичу от автора. А. Пешков». Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» подписана так: «Викентию Викентьевичу Вересаеву на добрую память о нашем знакомстве в Ялте, в апреле 1903. А. Чехов». Имена Брюсова, Ан-

древа и многих других украшают этот дар писателя музею.

Не меньшую ценность представляют фото и рисунки. Едва ли не самый интересный здесь — прекрасный нижегородский снимок А. М. Горького, подаренный Вересаеву. Хочется отметить еще фото 1904 г. В. Вересаева и Л. Андреева. Среди позднейших фотографий привлекает внимание группа частного кружка любителей пушкинского творчества, существовавшего в Москве в конце 20-х годов.

В. Вересев передал музею коллекцию снимков, произведенных им во времена русско-японской войны. Коллекция эта представляет двойной интерес — и как страничка из жизни писателя и как фотодокументация важнейших исторических событий.

Сейчас материал частично экспонируется в одной из комнат краеведческого музея. Но много ценных книг и документов попрежнему находится в музейном хранилище. Для них не хватает места, поэтому выставляется несколько суженный материал.

Когда будет решен вопрос о помещении для литературного музея, разместятся и другие экспонаты, в частности, обильный документальный материал о Глебе Успенском, книги, полученные от других земляков, — Басова-Верхояничева, покойного П. Романова, И. Садофьева.

А. БРАГИН.

Певец «Калевалы»

ПЕТРОЗАВОДСК. (Наш корр.) Свыше ста лет назад молодой финский ученый Элиас Ленрот предпринял путешествие из Финляндии в так называемую архаическую-ухтинскую Карелию. Здесь, в глухом карельском селе, раскинувшись на крутых, скалистых берегах Ладвозера, Ленрот встретился с 80-летним стариком, певцом рун Архимом Пертунен. Три дня с утра и до позднего вечера пел старик христианские молитвы, ученому свои замечательные руны о старом, верном Вейне-мейне, о прекрасной девушке Аино, ажно колдунье Лоухи и чудесном кузнеце Ильмаринене, выковавшем волшебную мельницу Сампо и жену из золота и серебра.

Так, на берегах Ладвозера, в ухтинской Карелии получил основу одно из лучших произведений народного эпического творчества — «Калевала», книга, вошедшая в сокровищницу мировой литературы.

Архим Иванович Пертунен рассказывал Ленроту о своем отце, который, отходя к месту лова рыбы, сидя у костра, пел свои изумительные песни.

Маленьким мальчиком будущий рунонец слушал их и потемному сам научился искусству отца. У Архима Ивановича было записано в общей сложности до 2.000 стихов рун и несколько тысяч стихов других песен.

Союз советских писателей и Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР начали широкую подготовку к исполняющемуся в этом году 100-летию со дня смерти А. И. Пертунен. Подготовлен сборник ритмических переводов рун Пертунена в том виде, как они были записаны у него Ленротом и другими финскими учеными — Кастреном и Калл. Эту большую, интересную работу осуществил научный сотрудник Карело-Финского института культуры т. В. Евсеев.

Глухой, нищий край, в котором жил и умер народный певец, теперь стал одним из передовых районов молодой Карело-Финской ССР. В честь гениальной «Калевалы», одним из творцов которой был талантливый рунонец христиан Архим Пертунен, бывший Ухтинский уезд был переименован в район Калевалы. В марте текущего года здесь будет проведена конференция народных сказителей района.

С. НОРИН.

Три творческих вечера

Группком при издательстве «Советский писатель» систематически проводит творческие вечера поэтов и прозаиков.

За последнее время состоялись три вечера: поэта А. Когана, прозаиков С. Фомина и А. Яковлева.

А. Коган прочел несколько лирических стихотворений, песен и баллад на оборонные темы, которые были подробно рассмотрены соавторами.

На вечер Семена Фомина автор читал четыре новых рассказа.

За плечами С. Фомина — тридцатилетний творческий путь. А. М. Горький в письмах к писателю отмечал его своеобразную, интересную творческую работу.

Выступавшие товарищи положительно оценили прочитанные рассказы, особенно «Мирское дело».

Третий вечер был посвящен творчеству А. Яковлева. Он прочел новые рассказы «В чем ее счастье». Тема рассказа — воспитание ребенка.

А. Т.

БИБЛИОТЕКА П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Разносторонне образованный, знавший несколько иностранных языков, П. И. Мельников-Печерский собрал значительную библиотеку. Подобно лично пережитому 4 периодам — нижегородскому, петербургскому, московскому и снова нижегородскому, — и библиотека П. И. Мельникова много «претерпела» в своем развитии и росте. В 1891 году вся библиотека была перевезена в село Ляхово (под Нижним), где П. И. провел свои последние годы.

К сожалению, ее не сохранили так, как она того заслуживала. После смерти П. И. Мельникова ростовский купец Титов за бесценок приобрел и вывез многие рукописи, преимущественно по расколку. Пошла в руки Титова редчайшая «Сотная грамота» и была задана им. В 1899 году оставшаяся библиотека Мельникова перевезена в Ивановскую башню Нижегородского Кремля, в помещении Архивной Комиссии, и в октябре 1897 года списком Мельникова Андреем Павловичем, передана в городскую общественную библиотеку. С 1897 года книги П. И. Мельникова хранятся в городской публичной библиотеке, но только при советской власти обработаны и доступны для читателей. В Горьковской областной библиотеке им. В. И. Ленина находится 1349 томов (743 названий) книг, лично принадлежавших П. И. Мельникову.

Кроме книг, большое значение имеют так называемые «Сборники статей», составленные П. И. Мельниковым из различных журналов с начала XIX века. Необходимы Мельникову для работы статьи он на журналов вырезывал, после использования подбирал по темам и переплетал. «Сборники» разделяются на 4 от-

дела: «Червь и раскол» — 11 томов; «Русская История» — 10 томов; «Русская литература» — 4 тома и «Смесь», где много фольклорного материала, — 12 томов.

Тридцать семь томов «Сборников статей» и книги библиотеки содержат ценнейший материал для изучения творчества и мировоззрения Мельникова. Из них мы, например, узнаем, что фольклорные источники романа «В лесах» служили не только 3 тома Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», как указывает Г. Виноградов в своем исследовании.

П. И. Мельников имел и другие источники. В 7-м томе сборников «Смесь» переплетены статьи В. Селиванова «Год русского земледельца», где речь идет об обычаях жителей Рязанской губ. Еще больше отметил Мельников в статьях М. Максимовича «Дни и месяцы украинского селянина». Вырезки сделаны из журнала «Русская беседа» 1856—57 годов. Книги Афанасьева вышли в 1865—69 годах, статьи Максимовича, Селиванова, Коосевского взяты Мельниковым и имеют пометки десятилетиями раньше. Известны были П. И. и выписки: «Русские простонародные праздники и суеверные обряды», издания И. Смирнова в Москве 1839 и 1839 годов, т. е. за 30 лет до выхода в свет книг Афанасьева; «Летописи Русской литературы», издания Н. Тихомирнова и многочисленный этнографический и фольклорный материал вообще славянских народов. Все это имеется в томах «Сборников статей».

Не случайно пометки П. И. Мельникова в многочисленных книгах о проведении железных дорог, не случайные очеркивания и пометки о торговле не только в Ниж-

В бюро национальных комиссий

До последнего времени еврейская секция при Союзе писателей работала изолированно, вне всякой связи с бюро национальных комиссий.

О немаловажности такого положения говорил на совместном заседании бюро национальных комиссий и еврейской секции т. Скобелев. Его горячо поддержали еврейские писатели т. Маркин, Куширов, Добрушин, Голднер и Персов. Все они подчеркивали ту большую ответственность, которая легла на секцию.

Большинство еврейских писателей, живущих в новых республиках и областях, не имеют еще точного представления о задачах, стоящих перед ними, как перед советскими писателями, и нуждаются в творческой помощи.

Еврейская секция организовала ряд докладов московских еврейских писателей в Белостоке, Кунаесе, Львове и других городах. Выступило около десяти книжечек новых писателей. Это было воспринято как большое, радостное событие. Но, конечно, всего этого мало.

Оторванность секции от Союза писателей объясняется также отсутствием в русских журналах и газетах критических статей, дающих представление о еврейской литературе, творчестве отдельных писателей.

После обмена мнениями было принято решение координировать деятельность секции в общих планах работы бюро национальных комиссий и ввести в бюро двух представителей еврейской секции: т. Голднера и Куширова. Кроме того, решено организовать биробиджанскую комиссию в составе т. Олевского, Добрушина и Нусинова.

ШЕСТЬСОТ ЛЕКЦИЙ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

Начальствующий состав Красной Армии проявляет огромный интерес к художественной литературе. Каждую декаду многочисленные ДКА устраивают по несколько лекций и докладов на литературные темы.

Ежемесячно Центральный Дом Красной Армии в Москве командует несколько десятков литераторов, ученых, лекторов, которые читают для начальствующего состава местных гарнизонов доклады о современных советских писателях, русских и иностранных классиках. В 1940 г. докладчиками ЦДКА было прочтено свыше 600 лекций на литературные темы.

Круг литературных тем, которые интересно командиров нашей Красной Армии, очень разнообразен. Один из домов Красной Армии организовал доклад на тему «Образ молодого человека сталинской эпохи в художественной литературе». Другой Дом Красной Армии устроил для командиров интересный цикл лекций о современных советских и западноевропейских писателях.

В Орле прочитаны в 1941 г. доклады о Шекспире, Вальбахе, Золя, Барбюсе, Ван-де Вассельской, в Белостоке — о Гоголе, готовится доклад о Некрасове. В Харьковском Доме Красной Армии в январе-февреле прочитаны доклады о Некрасове, Грибоедове, Чернышевском, Салтыкове-Щедрине, Л. Н. Толстом, Чехове, Павло Тычине, Ван-де Вассельской.

С ноября прошлого года при Центральном Доме Красной Армии организована «Лекторий командира». Значительное внимание в его работе уделяется творчеству советских писателей, русских и западноевропейских классиков.

Проф. Д. БАЛИНА.

Павел Багрим

МИНСК. (От наш. корр.) В местечке Крошино, недалеко от Баранович, 50 лет назад умер один из замечательных певцов белорусского народа Павел Багрим. Литературное наследство его — весьма небольшое. До наших дней дошло лишь несколько стихотворений поэта. Но сила этих стихов — необычайная, в них бьется сердце поэта-бунтара, верного сына свободолюбивого белорусского народа.

О Павле Багриме, его творчестве и биографии не имелось до сих пор почти никаких печатных сведений. И лишь после воссоединения белорусского народа, когда родина поэта Крошино стало частью советской земли, открылась возможность собрать кое-какие фактические сведения о Багриме. Эту работу и выполнил белорусский писатель Ю. Витьбич.

Сыном кузнеца и сам крепостным кузнецом был Багрим. Юношей увлекался стихосложением. Стал создавать песни на родном языке. И вот за одну из них, в которой поэт бунтарски воскликнул: «...Я зайграю у дуду, Бо у Крошине пан сядзіцца Банька кіямі забіты, Маці тужыць, сястра плача... Дзе-ж ты пойдзеш, небарата? Дзе-ж ты пойдзеш, небарата?»

Возвратился на родину со службой Багрим уже стариком. И до конца своих дней работал кузнецом. Смысл по всей Новоруднице лучшим мастером. Как памятник его мастерству, висит в крошиновском костеле пятнадцатипудовый жириндоль (журнал). Переплетены кованые из железа листья, ветви винограда с крупными гроздьями, а среди них — готовые вспорхнут, чтоб улететь на родные поля, авногослодые жаворонки. На жириндоль ажурная надпись: «Павел Багрим выкоуна у Крошыне у 1881 год».

Колхозные поэты

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.) Строительство Большого Ферганского канала имени Сталина рождало своих поэтов, — рядовые колхозники обнаруживали здесь свой поэтический дар. На многих участках канала под ритмичные удары кетменей раздавались вновь сложенные песни.

Среди поэтов-колхозников Большого Ферганского канала выделились трое — Чустин, Нахши и Хабиби. Их творчеству и был посвящен вечер, состоявшийся недавно в ССР Узбекистана.

Доклад о произведениях Чустин сделал Абдулла Каххар. Разбору стихов Нахши и Хабиби были посвящены выступления писателей Даврона и Мир-Тенсия.

И. ВИЛЕНСКИЙ

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство Союза советских писателей Грузии «Федерация» выпустило первый полный перевод на грузинский язык всех трех частей «Божественной комедии» Данте Алигьери. Автор грузинского перевода — К. С. Гамсахурдия. Ему удалось достигнуть значительного приближения к полнотине.

Перевод сделан белым стихом. Ритмика грузинского белого стиха дает возможность полностью передать своеобразие терции Данте.

К. Гамсахурдия принадлежит не только поэтический перевод «Божественной комедии», но и обширнейший комментарий к ней, которым сопровождается перевод.

В предисловии К. С. Гамсахурдия дает историко-литературный обзор предисловия итальянской литературы, проводя соответствующие параллели на литературу грузинского предисловия.

ЦЕННЫЕ РУКОПИСИ

АТМА-АТА. (От наш. корр.) Недавно в казахстанской публичной библиотеке им. Пушкина обнаружены единственные рукописные экземпляры «Шахнаме» Фирдоуси на чагатайском языке.

Время перевода не указано, но есть основание предполагать, что он сделан около ста лет тому назад.

В этой же библиотеке обнаружены рукописный список «Камня веры» Стефана Яворского. Книга эта переписана уставным письмом, содержит более тысячи страниц. В конце книги имеется несколько подписей ее владельцев, что в 1775 г. она находилась в Тобольске, а в начале XIX века была перевезена в Бийск.

Несомненный интерес представляет также большой рукописный фонд, написанный уставным письмом и содержащий обильно, уставные, историю мира по византийским хроникам и историю России от крещения Руси до Смутного времени. Книга закончена примерно в первой четверти XVII века. Автор ее неизвестен.

Г. ШАРИПОВА.

Спустя полвека

Пятьдесят три года назад А. С. Серафимович, находясь в царской ссылке на Севере, в Архангельской губернии, задал своей первой расказ «На льдине». Надпись на первой странице: «На льдине». В архангельских вузах и на предпринятых состоялся вечер писателя о многолетнем читателе. Александр Серафимович выступил с воспоминаниями о пребывании в ссылке в Мезени и Паневе. Между прочим герой его первого расказа «На льдине», помор Сорока, недавно умер в Мезени 80 лет от роду.

А. С. Серафимович провел также беседу с местными журналистами и литературными активом.

К. КОНИЧЕВ.

«ВИИШУРК»

Первый номер эстонского журнала «Вийшурк» открывается статьей Э. Палла «Горный орел», посвященной памяти В. И. Ленина. В журнале опубликованы два стихотворения Иоганнеса Вареса (Варбаруса).

Значительная часть материалов, напечатанных в этом номере, — статьи, проза, стихи — знакомы читателям журнала с советской Грузии. Этот раздел открывает большая статья Г. Паррета «Сталли и Грузия». Грузия посвящена стихотворение эстонского поэта Ю. Скутисе. Журнал вырывает публиковать на эстонском языке стихи А. Чавчавадзе, Г. Бараташвили и отрывки из поэмы Шота Гургутелли «Витязь в титровой шкуре». Напечатаны также произведения современных писателей и поэтов Грузии.

Новела Эрих Крестена «Дневник молодого солонника» рисует быт рабочих и их взаимоотношения с хозяевами в буржуазной Эстонии. Стихи поэтессы Минни Раудсеп посвящены социалистическому строительству и природе Эстонии.

Номер содержит также высказывания М. Горького о литературе и искусстве, театральные обзоры и заметки на международные темы.

Клубная неделя

Книга о психологии творчества

Книга М. Шнейдера «Не расставаясь с дураком» мало похожа на те произведения, с которыми обычно выступают писатели на чтениях в секции новеллистов. Книга написана от первого лица. Начав ее, где говорится о детстве героя, звучит, как автобиография. Затем внешняя повесть, доходя до главы, посвященной теме, постепенно сменяется, внешняя сюжетная линия — не главное. В произведении главное — это тема искусства, объединяющая разрозненные куски и составляющая единое целое — содержание всей книги.

Пожалуй, наиболее правильно определил жанр и дух произведения М. Шнейдера вышедший в прениях Илья Шренбург. — «Мне представляется, что произведение — это не как книга о детстве или о несчастной любви, а как ряд эссе о психологии художественного творчества. И все, что здесь сказано о профессии художника, профессии сложной, сказано умно, интересно и точно. Мне кажется, что автор перегружен наблюдениями, и его произведение изобилует изречениями, образами в такой мере, что страница книги порой напоминает выставку афоризмов.

С. Гехт считает, что произведение Шнейдера по жанру своему соседствует с записной книжкой. Наряду с глубокими мыслями и тонкими наблюдениями в нем попадаются записи сиюминутных «странных» для того, чтобы быть значительными, заметки, которые звучат скорее, как литературные заготовки, а не как результаты творчества.

— Книга эта, — замечает В. Ковалевский, — свидетельствует об очень высоком формальном мастерстве ее автора. Но в содержании много вызывает возражения. Глубоко личным переживаниям и наблюдениям автор придает обобщающий философский смысл, и тогда некоторые положения его становятся спорными, проявление утрачивает порой свой живой, утверждающий интонации.

Выступавшие, оценивая книгу, рассказали лишь в частностях. В целом же все наши, что она оставляет сильное впечатление.

Встреча с П. А. Марковым

В клубе попеременно происходит встреча писателей с деятелями искусства. В четверг гостем писателей был П. А. Марков. Он рассказывал о художественном театре, о его замечательных руководителях — К. С. Станиславском и В. И. Немировиче-Данченко, о взаимоотношениях Художественного театра с драматургами, о работе о автором, о правах драматурга и его обязанности перед театром.

П. А. Марков сообщил также о репертуарном плане театра на ближайший год: «Гамлет» Шекспира в переводе Б. Пастернака, «Дядя Ваня» Чехова, «Поселение мертвых» А. Н. Островского, «Пушкины» М. Булгакова и «Глубокая разведка» А. Крона.

Либретто оперы «Суворов»

На днях в клубе писателей С. Д. Кржижановский прочел написанное им либретто оперы «Суворов». Новая советская опера «Суворов» включена в репертуар Государственного академического Большого театра.

Либретто охватывает один эпизод из жизни великого полководца — итальянский и швейцарский период 1799 г.

После чтения либретто в прениях композитор С. Васильев рассказывал присутствующим о своей работе над музыкальной оперой.

От комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренки

Комиссия Союза советских писателей СССР по увековечению памяти писателя-педагога А. С. Макаренко проинт. редакции издательств, газет и журналов, учреждения, общественные организации и отдельные граждане, а также сотрудников и воспитанников А. С. передать в распоряжение Комиссии и вложить писателя Макаренко Г. С. подлинные рукописи опубликованных и неопубликованных произведений писателя, стенограммы его публичных выступлений, деловые и личные письма А. С., фотографии писателя и учреждения, где он работал, и т. д.

Все материалы, запросы, письма Комиссия просит направлять по адресу: Москва 17, Лаврушинский пер. д. 17, к. 14, Макаренко Галине Стаханове.

Комиссия собирает эти материалы для академического издания произведений А. С. Макаренко.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Дирекция филиала университета марксизма-ленинизма при Союзе писателей извещает, что календарный план занятий и марте следующие:

3 10 марта первые два часа — развитие материалистической философии в России; вторые два часа — история ВКП(б) (глава VII).

17, 24, 31 марта первые два часа — лекции по философии (основные черты марксистского диалектического метода); вторые два часа — история ВКП(б) (глава VIII—IX).

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮБИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ЛИТФОНД СССР
ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ:
1 АПРЕЛЯ
ПОСЛЕ РЕМОНТА
ОТКРЫВАЕТСЯ
ДОМ ТВОРЧЕСТВА
В ЯЛТЕ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 18.
ТЕЛЕФОН К 4-42-39.
ПОКУПАЕТ И ПРОДАЕТ
РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ
КНИГИ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ,
ФИЛОСОФИИ, ТЕАТРУ И ДР.